

Мастера Чудес

Джон Лэнган

ДОМ ОКОН

Мастера ужасов

Джон Лэнган

Дом окон

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Лэнган Д.

Дом окон / Д. Лэнган — «Издательство АСТ», 2009 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-113559-1

Когда Роджер Крайдон, профессор английской литературы и знаменитый исследователь творчества Чарльза Диккенса, бесследно исчезает, все подозрения падают на его молодую жену, Веронику Крайдон. Вдова хранит молчание, пока в поместье Крайдонов, странный и загадочный Дом Бельведера, не приезжает молодой автор хорроров и не становится невольным слушателем ее исповеди. То, что он узнает, станет самой необычной и зловещей историей о доме с привидениями, о сделке с преисподней, о проклятиях, о необычных формах жизни и иных мирах. Историей, чьи истоки уходят в глубь веков, а география простирается от маленького городка в долине Гудзона до Афганистана.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-113559-1

© Лэнган Д., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Благодарность	6
Прелюдия. Истинное лицо	7
Часть I. Общая Странность	18
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джон Лэнган

Дом окон

John Langan
HOUSE OF WINDOWS

© John Langan, 2009
© Анастасия Колесова, перевод, 2020
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Все имена, персонажи, места и события, представленные в данной книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными личностями (живыми или умершими), событиями и местами являются случайными.

Посвящается Фионе

Благодарность

Первый черновик романа был написан в нашей крошечной прачечной в доме, где я жил со своей женой и тогда еще новорожденным сыном. Как и все новоиспеченные родители, мы мало спали и были постоянно напряжены. И все же каждое утро, иногда час, иногда полтора или два, Фиона занималась Давидом, пока я работал над созданием еще одной страницы, которая бы присоединилась к стопке на моем пошатывающемся столе. После, когда рукопись была закончена и напечатана, Фиона прочла ее и высказала свое мнение. Дважды. На тот момент я не был так глубоко благодарен ей, как следовало бы. И без поддержки моей жены эта книга никогда бы не была выпущена. Спасибо, любимая.

Как только роман был закончен, его прочло много людей: мой младший брат Роб, Джон Джозеф Адамс, Кит Бадовски и Хелен Пилиновски, – все они высказали слова поддержки и одобрения, в которых я зачастую очень нуждался. Первой части романа пошли на пользу точные критические замечания писательского кружка Уолкилла, в который входят Бретт Кокс, Хайнц Инсу Фенкл, Розеда Молина, Вероника Шанос и Роберт Во (и его жена Каппа, обладающая ангельским терпением). Благодаря их безжалостным комментариям, в книге стало на пятьдесят процентов меньше точек с запятой.

Этот роман был своеобразной передышкой от написания другого произведения. Когда я осознал, что текст, запланированный изначально как новелла, превращается в целый роман, мой агент, Джинджер Кларк, без колебаний приняла подобные изменения, несмотря на то, что они в корне меняли наш намеченный план работы. Джинджер боролась за эту книгу с самого начала, и во многом благодаря ей вы и читаете сейчас эти слова.

Найти дом для этой книги было непросто: любителям жанра ужасов не нравились литературоведческие вставки, а литературоведам пришлись не по вкусу ужасы. Джереми Лассен из издательства Night Shade Books прочел роман, понял и высоко оценил то, что я в него вложил, и приобрел рукопись. Было бы преуменьшением сказать, что я благодарен ему, особенно потому, что Night Shade Books публикует работы таких прекрасных писателей, как Лэрд Баррон, Грэм Джойс, Джоэл Лейн и Люциус Шепард. Приятно видеть себя в одном ряду с такими именами. Я также в долгу перед Россом Локхартом за то, что он терпел мои безумные требования.

Моя семья – мои сыновья Ник и Давид, моя мама, мои братья и сестры (родные и двоюродные), племянники и племянницы – не переставая оказывали значительную поддержку. Дружба с Лэрдом Барроном, Майком Циско, Сарой Лэнган и Полом Тремблей также оказала большое влияние на роман. За последние годы я слышал добрые слова и от более известных писателей, среди которых Брайан Эвенсон, Джейфри Форд, Элизабет Хэнд и Люциус Шепард. И за это я им очень признателен.

И, наконец, это ты, читатель; кем бы ты ни был, ты уделил мне свое время и внимание – два самых ценных ресурса. Без тебя этого романа быть не могло, и я благодарен тебе за это. А теперь возьми меня за руку, и я постараюсь предложить тебе взамен нечто достойное.

Прелюдия. Истинное лицо

Образ сестры, неподвижной в своем кресле у огня, преследовал меня днем и ночью. Мысль, что ее место в кухне опустело, просто не укладывалась в голове; и хотя последнее время я почти не думал о ней, теперь мне постоянно чудилось, что она идет мне навстречу по улице или вот-вот постучит в дверь. Даже в нашу квартирку, с которой она уж никак не была связана, вошла пустота смерти, и мне постоянно мерещилось то лицо сестры, то звук ее голоса, словно она была жива или при жизни часто здесь бывала.

Чарльз Диккенс. Большие надежды

Думая только об одном, он по-прежнему видел перед собой одно безжалостное чудовище. Все предметы взирали мрачно, холодно и мертвенно на него, а он – на них. Во всем он находил напоминание о своем горе. Все, все без исключения выступало, бессовестно торжествуя над ним, и раздражало и задевало его гордость и ревность, какую бы форму ни принимало, – и сильнее всего, когда оно разделяло с ним любовь к его умершему мальчику и память о нем.

Чарльз Диккенс. Домби и сын

– Все меня спрашивают, что я думаю о том, что случилось с Роджером, – сказала Вероника Кройдон, – и, если в ту же секунду я не даю ответа, все с радостью начинают предлагать собственные варианты. Может, у него случился инфаркт во время прогулки? Как будто у полиции не было подобной версии, и все эти обширные поиски в лесу устраивались просто так. Как будто в шестьдесят пять сердце превращается в бомбу замедленного действия. Если не инфаркт, то, наверное, инсульт или какая-нибудь аневризма. Как будто это не Роджер пробегал каждый день пять миль и выглядел на двадцать лет моложе. Уж мне ли не знать.

Она передала мне вымытую тарелку, которую я вытер полотенцем. Я ответил:

– Ты же понимаешь, что…

– Они намекают, что его вымотал наш брак?

– Нет, – сказал я, хотя доля правды в ее словах все же была. Вероника Кройдон познакомилась с будущим мужем в магistrатуре: она была младше Роджера почти на сорок лет и моложе его сына от первого брака.

– Нет, – повторил я, поставив тарелку в сервант. – Я хотел сказать, что сердечный приступ может случиться в любом возрасте.

– Может, – согласилась Вероника, – но не в этом случае. Если бы ты только слышал, как все об этом говорят: понижают голос, будто собираются начать разговор на деликатную тему – о нашей сексуальной жизни, – и, знаешь, в каком-то смысле так и есть. Они не знают границ.

– Но их я еще могу терпеть, – продолжила она, передавая мне следующую тарелку. – Хуже только те, кто прямо заявляет, что Роджер «не иначе как ушел к другой». Семьдесят процентов считают, что он вернулся к Джоан, оставшиеся тридцать – что нашел кого-то помоложе. Как будто никто не знает, что на момент нашей встречи Роджер с Джоан уже давно жили как соседи; как будто это не она из кожи вон лезла, чтобы расстроить наши отношения; как будто не было развода, и как будто каждый из них не жил своей жизнью. Ты знаком с ней? Ты ее хоть видел? Конечно, видел и знаешь. Роджер никогда бы не променял меня на это. Стало быть, кто-нибудь помоложе? Я тебя умоляю! Как будто его привлекал только возраст; будто у него был фетиш, как у какого-нибудь похотливого старика.

Признаться, подобные мысли приходили в голову и мне, и моей жене, Энн. Да и не только нам: так, полагаю, думал весь факультет английского языка университета штата Нью-Йорк на Стэйтен-Айленд; так думали все, кто знал Роджера Крайдона. Услышав эти версии из уст Вероники, я, однако, почувствовал себя виноватым. За то время, за все полтора года, что прошли после исчезновения Роджера, мы не поддерживали с Вероникой никакой связи; не писали электронных писем, а что уж говорить об открытках или о звонках по телефону. Мы не говорили с ней, но говорили о ней – друг с другом, с друзьями, – обсуждали возможные причины исчезновения ее мужа – и те, что она перечислила, и другие, более причудливые. Что, если он вступил в секту? А может, перешел дорогу наркоторговцам? Или потерял рассудок, и его тайно упекли в дурдом? Подобные пересуды не утихали месяцами и обязательно всплывали в любой компании; и пусть я испытывал к подобным разговорам неприязнь, но все же активно в них участвовал. Конечно, с Вероникой было сложно найти общий язык, и легче было говорить о ней, а не с ней, но теперь это представлялось мне крайне шатким оправданием. Поставив очередную тарелку на гору ее предшественниц, я сказал:

– Понимаешь, Роджер стал таким… непредсказуемым. После того, как убили Теда.

Услышав имя своего покойного пасынка, Вероника замерла и устремила взгляд в окно над раковиной, по локоть погрузив руки в мыльную воду. Тьма ночи и свет кухонных ламп превратили стеклянную поверхность в зеркало, и Вероника видела только свое отражение: длинные рыжие волосы, убранные в хвост, резко очерченные косметикой скулы (хотя ужин проводился в довольно узком кругу: приглашены были всего шестеро гостей, не считая ребенка), карие глаза, пропивающие из-за зеленых линз, и серьги-подвески с небольшими металлическими дисками. Она поджала губы, накрашенные бледно-красной помадой, и сказала:

– Тед.

– Прости, я не хотел…

Вероника взмахнула рукой, заставив меня замолчать, и пена разлетелась по всей столешнице.

– Знаю. Не спорю. Так все и было. И, да, Роджера это довело.

Она невесело засмеялась.

– Ты даже не представляешь, до чего.

Потом повернулась, и я с удивлением заметил, как по ее щекам текут слезы.

– Все меня спрашивают, что я думаю о том, что случилось с Роджером, – сказала она, – но дело в том, что я не *думаю*. Я знаю, что с ним случилось.

– Что? – я стоял, пораженный; Вероника утерла слезы тыльной стороной ладони, всхлипнула и принялась снова мыть посуду. Получается, она знала, что приключилось с ее мужем, но никому об этом не сказала ни слова, даже полиции, насколько мне известно… Невероятно. Вероника, не глядя, подала мне последнюю тарелку, и та, выскользнув из рук, чуть не упала на кафельный пол, если бы я не успел подскочить и вовремя ее подхватить. Только тогда, когда я крепко держал тарелку в руках, дар речи вернулся ко мне:

– Ты знаешь?

– Знаю.

– Но, – я взмахнул тарелкой в воздухе, – почему ты никому не рассказала?

Вероника протянула мне пригоршню столовых приборов. Заметив, однако, что я не закончил сушить тарелку, она положила ножи и вилки обратно в раковину и, вздохнув, ответила:

– Потому что это невозможно. В то, что случилось с Роджером, невозможно поверить.

– Я не понимаю, – сказал я, в конце концов убирая тарелку в сервант и закрывая дверцу. – Если ты знаешь, где сейчас Роджер…

– Роджер мертв. Он умер два года назад.

Либо это был какой-то неприятный розыгрыш, либо Вероника пыталась довольно размыто донести до меня правду о случившемся. Два года назад в Афганистане погиб Тед – вот что, возможно, она имела в виду.

– Безумие, правда? – после небольшой паузы добавила она.

Я решил быть честным:

– Я не совсем понимаю.

– Что ж, – ответила Вероника, протянув мне столовое серебро, – я не удивлена.

Пока я вытирая приборы и укладывал их в ящик, она добавила:

– Но не расстраивайся. Вряд ли бы кто-то смог понять. Хотя «понять» – не совсем точное слово. Вряд ли бы кто-то поверил. Представляю, какие бы ходили сплетни. Обо мне и так уже достаточно судачат. Чего сейчас не хватало, так это чтобы на меня смотрели и говорили: «Вон, идет сумасшедшая Вероника. Вы слышали, что она говорит о пропаже своего мужа?»

Она вручила мне последнюю пару приборов и вынула пробку из слива раковины. Ополоснув руки, она спросила:

– У нас еще осталось вино?

– В холодильнике есть немного белого.

– Замечательно.

Пока она брала из шкафчика бокал и доставала вино, я закончил свое дежурство по кухне в качестве сушителя посуды и повесил полотенце.

– Пожалуй, мне пора в кровать, – сказал я, направившись к лестнице.

– Эй! – окликнула меня Вероника. – Ты куда?

– Спать. Поездка была утомительной, и Робби в последнее время беспокойно спит – у него все еще режутся зубы, – так что мне лучше быть рядом, на случай, если он проснется.

– Перестань, – сказала Вероника. – Не уходи. Останься, выпей бокал вина.

– Спасибо, – начал было я, – но я не очень люблю вино. Для желудка…

– Тогда стакан воды. Не верится, что все уже разошлись по комнатам. Еще нет и десяти.

– Тяжелый день, – сказал я. – Тут есть кабельное…

– Я не хочу смотреть телевизор. Я хочу поговорить.

Я чуть было не ответил, что всегда можно кому-нибудь позвонить, но пробивающиеся в голосе Вероники жалобные нотки заставили меня промолчать. Заметив это, она добавила:

– Давай так: ты недолго посидишь со мной, и я объясню, что имела в виду. Я расскажу тебе, что случилось с Роджером. Ты ведь пишешь эти странные истории? Тогда ты точно захочешь услышать мою. Она по твоей части.

– Что, прости?

Сложно было сказать, что меня смущило больше: то, как непринужденно и открыто Вероника предложила рассказать историю, которую, как она утверждала несколько минут назад, никогда не предаст огласке и у которой может быть только несчастливый конец, или же то, что она предлагала ее мне здесь и сейчас. Мы не были друзьями; я предложил вытираять чистую посуду еще до того, как узнал, что Вероника будет ее мыть. Если я и поддерживал беседу, пока каждый из нас выполнял свою часть работы, то только из вежливости. Трудно было поверить, что своими нечастыми репликами в ответ на ее почти непрерывный монолог я заслужил право услышать ее историю.

Но, по-видимому, так оно и было.

– Я сказала, что расскажу тебе, что случилось с Роджером. Прошло полтора года, и кажется, что мне нужно рассказать кому-то о произошедшем, несмотря на то, что об этом могут подумать. Как будто… Ты католик?

– Епископальец.

– У вас же есть исповедь?

– Есть.

— Хорошо. Знаешь, мне будто нужно исповедаться. Не потому, что я совершила что-то плохое, мне просто нужно проговорить все то, что произошло. Я хочу услышать, как я произношу это вслух.

— Понимаю, — ответил я, — но почему со мной? Разве Эдди…

— Эдди решит, что я слетела с катушек, — прервала меня Вероника. — И ты, скорее всего, тоже, но она — моя подруга, а друзей у меня почти не осталось. Я не смогу. Если ты решишь, что я спятила, — что мне до этого? Проще говоря, ты оказался в нужное время в нужном месте.

— И ты не боишься, что я могу кому-нибудь рассказать? — спросил я.

— Ты мог бы, — ответила Вероника. — Но я прошу тебя этого не делать.

— Хорошо, — заключил я, рассудив, что, если мы расположимся в гостиной, то окажемся прямо под нашей с Энн спальней. Как только Робби проснется, я услышу его и вмиг взбегу по лестнице до того, как он начнет реветь. — Если ты уверена…

— Не волнуйся, — сказала Вероника, — ты все равно не поверишь тому, что я тебе расскажу.

С бутылкой в одной руке и бокалом в другой Вероника направилась через кухню и столовую в гостиную. Я устроился в кресле-качалке; она поставила бутылку и бокал на низкий кофейный столик, стоявший у мягкого дивана в бело-голубую полоску. На мгновение Вероника задержала взгляд на окне за диваном, а затем, повернувшись ко мне, сказала:

— Давай так: сначала я быстро схожу в душ, а потом начну рассказ. Чтобы расслабиться. Никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Не дожидаясь ответа, она устремилась в ванную комнату. Затем я услышал, как дверь в ванную закрылась.

Порядком раздраженный, я встал с кресла и подошел к подножию лестницы, но любопытство заставило меня остановиться. «Никогда не отказывайтесь от истории» — сколько раз я повторял этот завет своим студентам на курсах писательского мастерства? И на тебе: мне предлагают сведения, которые, по меньшей мере, могут служить материалом для рассказа, и, возможно, даже романа, а я не могу подождать и десяти минут? Я возвратился в кресло.

Эту ночь я представлял себе совсем по-другому. Пятичасовую поездку из Гугенота в летний домик наших друзей Эдди и Харлоу на мысе Кейп-Код мы с Энн организовали в качестве подарка самим себе — поездка пришлась на время весенних каникул, которыми наши студенты университета штата Нью-Йорк наслаждались во Флориде или Мексике, — а еще хотели познакомить нашего десятимесячного сына Робби с местом, которое так много значило для нас; с домом, где зародился наш брак, и в который мы с тех пор возвращались еще не раз. Мы знали, что к нам присоединится Ли, вырвавшаяся с Манхэттена на все выходные, но о том, что компанию нам составит еще и Вероника, узнали только тогда, когда подъехали по песчаной дорожке к дому и заметили припаркованную «Фольксваген-Джетту». Само присутствие Вероники было свидетельством неисчерпаемой щедрости Эдди. После того, как Роджер развелся с Джоан — скандал намного драматичней и запутанней, чем описывала его Вероника, — Эдди была единственной из его друзей, кто продолжил общение; верность Эдди была достаточно глубокой, чтобы ее хватило и на бывшую студентку, из-за которой, собственно, и случился развод. После исчезновения Роджера Эдди навещала Веронику, а Вероника наведывалась к ней и Харлоу. Когда я сказал Эдди, что ее действия можно трактовать как акт милосердия — либо физический, либо духовный, — она, вздохнув, ответила:

— На самом деле, Вероника — очень приятный человек. Она через многое прошла. Она не хочет об этом говорить, но, по-видимому, с Роджером в последнее время они были не в ладах. Насколько я могу судить, он, до того, как пропал, переживал длительный нервный срыв, и, хотя Вероника всеми силами пыталась с этим справиться, для нее это было слишком. Кажется, она думает, что он ушел из-за нее.

Несомненно, Вероника смогла уместить процесс, который обычно занимает два десятка лет, в почти четверть этого срока, но даже это не помогло мне относиться к ней с той же отзыв-

чивостью, что и Эдди. Моя личная антипатия к Веронике не была вызвана каким-либо плохим или обидным поступком с ее стороны. По правде говоря, мы никогда не были близки. Все было намного проще. Мы познакомились на вечере, устроенном кафедрой английского языка, в ее первый семестр магистратуры. Мы обменялись парой фраз, и я был поражен тем, какое чрезмерное впечатление она производила – во всех смыслах. Все присутствующие демонстрировали как минимум тринадцать повседневных комбинаций одежды, в то время как на Веронике было черное коктейльное платье, шпильки, жемчужное ожерелье и серьги. Пока в отдельных группах, окружавших нас, люди жаловались на флегматичных студентов и маленькую зарплату, наш разговор с Вероникой вертелся вокруг поэзии Эмили Дикinson, над которой, по словам Вероники, она «размышляла».

Зимний день, и свет другой
Как собор поющий...

За нашу недолгую беседу Вероника рассказала, что закончила – с отличием – университет Пенроуз и писала дипломную работу по Дикинсон и Готорну. Сначала я принял ее манерность за последствия четырех лет, проведенных по ту сторону реки Гудзон в блужданиях по увитым плющом залам. Когда я вспомнил о студентах и преподавателях из Пенроуз, с которыми был знаком, это убеждение быстро рассеялось. По сравнению с нами они были еще большими пролетариями, хоть и более сознательными и самовлюбленными. Мне пришло в голову, что Вероника (на тот момент она была для меня «той магистранткой») все еще живет фантазией о том, какой должна быть кафедра английского языка, и настойчиво склоняет нас к своему видению. Позже, когда я высказал несколько едких замечаний о ней Энн, тогда еще моей невесте, та прозвала ее Вероникой Дориан, и, засмеявшись, объявила, что я просто завидую, что кто-то оказался еще большим снобом, чем я. Энн разделяла щедрость Эдди; прочитав курс современного американского романа для группы, в которой училась Вероника, моя жена согласилась, что она была о себе высокого мнения, однако добавила, что ее комментарии на занятиях и письменные работы раскрывали подлинную остроту мысли.

– Я не сноб, – ответил я тогда. – Просто у меня есть стандарты.

А после сменил тему.

(Тем не менее, сегодня за ужином, когда избежать разговора о достоинствах – или их отсутствии – войны в Ираке не удалось ввиду прошедшей на неделе первой годовщины с ее начала, Вероника была непривычно молчалива, участвуя в обсуждении любой темы в самой поверхностной манере.)

Смышленая Вероника сразу привлекла внимание Роджера Крайдона. Роджер был штатным профессором-викторианистом и одним из ведущих ученых: он опубликовал свыше пятидесяти статей и полдюжины книг, одна из которых – «Диккенс и его наследие» – рекомендована к прочтению студентам, изучающим творчество Диккенса. Оставалось загадкой, почему человека с подобными достижениями не отхватил себе какой-нибудь крупный университет. Ответом на эту загадку была Джоан. Вместе они походили на второстепенных персонажей из объемного романа Диккенса: на ее вытянутом лице ярче всего выступали огромные, подернутые поволокой глаза; его угловатое лицо выделял кривой нос – свидетельство давнего перелома. Она была высокой и широкоплечей; он, в свою очередь, невысоким и стройным. Она щеголяла в дизайнерских нарядах; он предпочитал простые белые рубашки и хлопчатобумажные брюки. Она произносила слова с сильным акцентом манхэттенской аристократии; он говорил гнусавым голосом жителей гор Северной Каролины. Их союз был общеизвестно несчастным – так, по крайней мере, считал Роджер; на вечерах, которые они проводили в своем доме, он не упускал возможности выпить больше положенного и изливал свои жалобы на любого, кто был готов выслушать. Он никогда не напивался до такого состояния, чтобы назвать конкретную

причину своего несчастья; однако взгляды, которые он бросал на стоявшую на другом конце комнаты Джоан, невозмутимо обходившую его вниманием, не оставляли сомнений. У Крайдона был сын Тед, который, по рассказам старших сотрудников кафедры, был взвалмошным подростком, но существенно подуспокоился после того, как поступил на военную службу в свой восемнадцатый день рождения.

Несмотря на то, что из них двоих Роджер был более эксцентричным, склонным к энергичной жестикуляции и громким восклицаниям, главной в браке была Джоан. Ей нравился Гугенот. Он располагался в относительной близости от Манхэттена – полтора часа по автостраде, – что позволяло ей поддерживать связь со своей семьей и не расставаться с привычным с детства образом жизни, который включал в себя посещение театров и галерей; и, в то же время, достаточно далеко от Большого Яблока – так, чтобы она могла удовлетворенно заявить, что живет «в деревне». (Я заметил, что, как правило, жители Нью-Йорка считают всю территорию чуть дальше округа Уэстчестер «деревней» и «севером штата».) Однако всякий, кто видел дом Крайдона на Фаундерс-стрит – громадное трехэтажное строение из камня и дерева, напоминающее семейный особняк, – всякий, кто видел дом, который Крайдона называли Дом Бельведера (в честь малоизвестного художника, который поселился в доме на одно лето полвека назад), или прохаживался по его широким, выполненным коридорам, или заходил в комнаты с высокими потолками, или смотрел из высоких окон на горы, высящиеся за городом, – всякий, должно быть, задумывался: «Такая сельская жизнь мне по душе». Не надо было гадать, почему Джоан не желала расставаться с Домом. Он не всегда был таким грандиозным. Джоан и Роджер, тогда еще молодожены, прибыли в город и наткнулись на выставленный на продажу дом в довольно плачевном состоянии, а затем, заняв деньги у ее отца на покупку и дальнейшую реконструкцию, растянувшуюся на годы, вернули зданию былое величие. Все это вело к пониманию того, насколько глубоко Джоан была привязана к этому месту. В Доме Бельведера вырос сын Крайдона; в нем Роджер написал большую часть своих статей и все свои книги; в этом доме Джоан провела полдюжины благотворительных и светских вечеров для людей своего социального круга.

Дом был удивительным, почти диковинным сооружением. Первый этаж был выстроен из того же серого булыжника, что и остальные дома на Фаундерс-стрит; второй и третий этаж, а также мансарда были деревянными и окрашены в темно-бурый с травянисто-зеленой отделкой. Верхние этажи имели целые ряды окон: цепь длинных прямоугольников, перемежающихся полукругами. Увидев Дом впервые, я окрестил его про себя «домом окон»; название как-то само пришло в голову, да так и закрепилось. И хотя я считал, что подобное архитектурное сооружение правильнее было бы отнести к стилю королевы Анны, однако с точностью сказать, под описание какого стиля подходили его фронтоны, террасы, карнизы и другие элементы, я затруднялся. С той первой встречи Дом всегда производил на меня странное впечатление. Существует множество домов, фасады которых напоминают лица – окна вместо глаз, дверь вместо рта, – но Дом Бельведера был единственным встретившимся мне зданием, лицо которого было невозможно разглядеть за чредой окон и углов.

Я нетерпеливо поглядывал в сторону ванной, откуда доносилось слабое шипение воды. «Сейчас вернусь», конечно. Я снова подумал о том, чтобы отправиться в спальню и забыть про Веронику и ее историю. Если бы она провела с нами еще пару дней – за десертом она упомянула, что назавтра планирует съездить в Провинстаун, а после, возможно, и в Бостон, – и если бы мы могли найти другое время для ее рассказа, так бы я и поступил; а заодно бы с удовольствием показал, что ей не удастся вертеть мною по своему усмотрению. И все же любопытство пересилило нетерпение, и я, поднявшись с кресла, побрел через гостиную и столовую, обратно на кухню. Я достал из серванта стакан, налил в него газировки и добавил лимона из пластикового пакета с верхней полки холодильника.

Со стаканом в руке я рассматривал широкое пространство кухни, представляя, как его сквозь окна над столешницей заливает утреннее солнце. Благодаря открытой планировке, просторным комнатам и изобилию окон весь дом купался в солнечном свете, но это изобилие имело и прямо противоположный эффект: прямо сейчас на меня со всех сторон давила темнота, которую уравновешивали уютная атмосфера и шарм интерьера. Невольно напрашивалось сравнение с Домом Бельведера, чрезмерное количество окон которого никогда не пропускало достаточно света, чтобы рассеять тени, снующие под его высокими потолками. Несмотря на это, свой миниатюрный домик в восемьсот квадратных метров, в котором будет тесно одному, а что уж говорить про семью с ребенком, мы с Энн не задумываясь обменяли бы на мрачный простор Бельведера. Но домом мечты для меня был Дом на Мысе.

— Рядом с ним находится кладбище, — не раз говорил я Энн. — Это ли не рай для писателя ужастиков?

Дом Бельведера был свидетелем многих знаменательных событий жизни Кройдонов, включая зарождение романа Роджера и Вероники и следующего за ним развода Роджера и Джоан. Все на кафедре знали об «увлечениях» Роджера: молодых, зачастую привлекательных девушках, куратором которых он назначал себя сам. Вдвоем их замечали в местном книжном, где Роджер распространялся о том или ином романе, который следует прочесть его подопечной; или в закусочной на Майн-стрит, где Роджер высказывал свое мнение о литературе, музыке или искусстве, пока она молча потягивала чашку чая; или в кабинете Роджера, где он предавался воспоминаниям о былом литературном соперничестве и передавал студентке копии статей. Судя по всему, эти отношения не заходили дальше духовной близости или, в крайнем случае, взаимной симпатии. Джоан всегда добродушно посмеивалась над ними. Как только Роджер начинал все чаще заглядывать в мой кабинет и, здороваясь, начинал восторженно описывать новую студентку до того, как я мог поприветствовать его в ответ, я почти с легкостью включался в привычный ритуал. Последняя подопечная Роджера выпустилась прошлой весной; он просто обязан был найти новую. Моя реакция на новости была совершенно обычной.

Чего нельзя сказать о новом увлечении Роджера. Я не могу с уверенностью определить, когда члены кафедры осознали, что связь Роджера и его новой протеже перешла в плоскость совершенно другого характера; для меня же все стало очевидно после первой встречи с Вероникой. Прогуливаясь в разделе поэзии в «Кэмпбелл» — букинистической лавке на Майн-стрит, — я услышал, как кто-то ведет шепотом яростный спор. Мгновением позже в одном из участников я узнал Роджера, а затем и его оппонента — Веронику. Заглянув за высокий книжный шкаф, я увидел их в разделе беллетристики: Роджер размахивал руками, словно косарь на поле, грозясь задеть книги на ближних полках, а Вероника скептически смотрела на него, уперев руки в бока. Роджер яростно расточал похвалы таланту Мелвилла — единственного американского писателя, который бы мог сравняться со своим известным современником, Диккенсом, даже если судить только по «Моби Дику». Вероника оборвала его на полуслове, заявив, что Мелвилл многословен и переоценен, а в «Алой букве» больше смысла, чем во всей прозе Мелвилла. На что Роджер ответил, что Готорна, вероятно, так крепило от пуританской вины, из которой состояла его диета, что он был не в состоянии выдавить из себя что-либо, кроме банальной и шаблонной сентиментальности.

И тому подобное. Я ретировался к полкам с поэзией, но тон ссоры стабильно повышался, и не подслушивать стало невозможно, поэтому я постарался уйти из лавки незамеченным, — что мне и удалось, поскольку дискуссия между ними была все еще в самом разгаре. В тот же вечер за ужином я рассказал об этом эпизоде Энн, и она, вскинув бровь, ответила:

— Что же, кажется, Роджер нашел достойного противника.

Как видится, так оно и было. Их постоянные пререкания, которые было сложно отличить от ссоры, стали вполне обычным делом, и, надо отдать должное Веронике, парировала она с легкостью. С Роджером мы были давно и хорошо знакомы; достаточно, чтобы я в целом соста-

вил представление о его мнениях и суждениях. Так вот, я ни разу не слышал, чтобы Вероника согласилась хотя бы с одним из них. Более того, ее контраргументы всегда были убедительными. Можно подумать, что постоянные словесные перепалки могли утомить Роджера – так же, как они утомили нас, невольных слушателей, – но ему доставляло удовольствие отражать нападки Вероники. Свет в глазах и легкая походка делали его все меньше похожим на человека на закате блестательной карьеры, и все больше – на того, кому еще только предстоит сделать себе имя. С каждым новым увлечением Роджер ожидался и преображался, но на этот раз я стал свидетелем самой что ни на есть радикальной перемены. Воодушевление не покидало его на занятиях, которые производили на студентов сильное впечатление и служили источником вдохновения; оно питало рабочий запал, благодаря чему он принял участие в написании нового эссе о роли молодых девушек в жизни и творчестве Диккенса.

Что до Вероники, то, основываясь на всем вынужденно подслушанном, в своих ответах Роджеру она ни в чем не уступала. И действительно: однажды, когда их разносившиеся по коридорам кафедры голоса смолкли, мы с ней, как помнится, впервые побеседовали, и я заключил, что ее фантазия, ее представления о том, что должны предавать обсуждению преподаватели и студенты, изучающие английский язык, – с Роджером она смогла претворить все это в жизнь.

Неудивительно, что подобный накал и летящие от интеллектуального состязания искры разожгли целый огонь. В массовом сознании вокруг каждой профессии формируется несколько устойчивых стереотипных представлений, и в нашем случае – это роман преподавателя с молодой студенткой; даже распространение феминизма и появление закона оексуальных домогательствах весьма слабо способствовали разрушению этого стереотипа. Вместе с тем, внезапный развод Роджера и Джоан следующей весной застал нас всех врасплох. Энн позвонила мне из университета и рассказала обо всем. Якобы причиной развода стало то, что Джоан застала Роджера и Веронику в постели «с поличным», но тут я утверждать ничего не берусь.

На той же неделе Роджер съехал из Дома Бельведера к Веронике, и слухи подтвердились. Я был наслышан о быстрых разводах, при которых бывшие супруги оставались друзьями, но лично не был свидетелем подобного. Развод Роджера и Джоан был поистине отвратительным. Ученый, занимавшийся величайшим писателем, стал героем одной из его мелодрам, точнее ее современной разновидности – мыльной оперы. Стоит отметить, на редкость избитой.

Все два года, пока они вместе с юристами занимались бракоразводным процессом, Дом Бельведера пустовал, а затем его сдали в аренду. Кажется, единственное, о чем они смогли договориться, – это нежелание расставаться с домом. В конце концов, в дом въехала молодая кардиохирург и ее семья.

Вероника продолжала ходить на занятия, чтобы закончить магистратуру. Меня это, конечно, удивило. Я думал, что из-за вереницы слухов, которая опутывала ее, она не станет заканчивать программу и переведется в другой университет – желательно куда-нибудь на Манхэттен или в Олбани. Но она решила вести себя как ни в чем не бывало: написала курсовую работу в первый год развода Роджера и Джоан, а за второй закончила свою диссертацию. Более того, на мероприятия она приходила вместе с Роджером, появляясь с ним под руку в любом месте в той невозмутимой манере, которая приходит с годами брака. Многие старшие члены кафедры, как и друзья Джоан, были возмущены подобными выходками; хотя среди них были и отдельные личности, к которым была применима фраза «в своем глазу бревна не замечаешь». В отличие от друзей, сотрудники кафедры не могли избежать встречи с Роджером и продолжали с ним работать, поэтому в итоге им пришлось приложить усилия и если не радушно принять Веронику в свой круг, то хотя бы признать ее новое положение. К тому времени, как развод официально завершился, Вероника получила степень магистра и вернулась обратно в Пенроуз на должность доцента.

Я допил воду и снова посмотрел в сторону ванной комнаты. По крайней мере, вода стихла, но Вероника, казалось, даже не собиралась возвращаться. Я был уверен, что только начну подниматься по лестнице, как она вернется. «Назвался груздем...» – подумал я.

Вероника уже бывала в Доме на Мысе. Полтора года назад она приехала сюда с Роджером, за неделю или две до его исчезновения. Роджер, мягко говоря, был совсем плох: в тот год во время службы в Афганистане погиб Тед, и его смерть подкосила отца. Источник жизненной энергии, который подпитывали роман и последующая свадьба с Вероникой, в одночасье иссяк, словно смерть сына оставила в Роджере огромную брешь; он еще больше постарел и стал схож с пугалом вороным у ворот.¹ Он обвис плечами, точно старый дом с покосившимся фундаментом и каркасом, и, несмотря на то, что Вероника старалась поддержать его, как могла, ее усилия были равносильны тому, как если бы на фасад старого ветхого дома плеснули аляповатой краски – вместо того, чтобы оживить весь его вид, это еще больше обнажало степень его упадка. Известие о смерти сына подобно резкому порыву ветра затушило огонь, пылающий в груди Роджера, оставив после себя лишь пепел и серый дым. Вместе с Вероникой он провел поминальную службу в храме Нидерландской реформатской церкви на Фаундерс-стрит; ее посетили считанные единицы, поскольку бывшие друзья предпочли присутствовать на службе, устроенной Джоан на Манхэттене. Мы были там с Энн, Эдди и Харлоу, и на Роджера было больно смотреть. Тяжелее всего было, когда Роджер попытался выступить с прощальным словом: его речь началась с воспоминаний о том, как в детстве Тед сломал руку в попытках влезть на стену дома, от которых он перешел к рассказу о своих попытках приобщить сына к чтению Диккенса, когда того больше интересовал Человек-Паук, и завершил речь прочтением стихотворения «Атлету, умершему молодым» Хаусмана.

После этого сведения об ухудшающемся состоянии Роджера доходили до нас фрагментарно, подобно сводкам о происходящей где-то на другом конце света катастрофе. Он не приходил на занятия, а если и появлялся, то был элементарно к ним не готов или мог долгое время не произносить ни слова. Наконец, его вызвали к ректору колледжа. Убитый горем Роджер все-таки догадался, что ему предлагают руку помощи, и принял ее; он передал учебные часы доцентам и перед уходом запер двери в свой кабинет.

А потом мы увидели фото Роджера в вечерних новостях – и это были последние новости о нем, за исключением еще одного известия: оказалось, что они с Вероникой въехали в Дом Бельведера. По-видимому, Джоан была не против, а доктору Салливан и ее семье дали месяц на то, чтобы они подыскали новое жилье. И через этот месяц Роджер и Вероника перебрались из маленькой квартирки в просторный дом. Через неделю-другую после их переезда ходили слухи о том, что Вероника собирается провести вечеринку по случаю новоселья, но они оказались беспочвенными. Насколько мне известно, никто так и не видел Роджера до того момента, как телеведущий произнес: «Полиция расследует исчезновение Роджера Крайдона, профессора университета штата Нью-Йорк в Гугеноте...»

К единому мнению о судьбе Роджера мы так и не пришли. С самого начала у меня было плохое предчувствие: казалось, произошедшее являлось закономерной концовкой трагического угасания Роджера. Энн придерживалась мнения, что Роджер на время уехал в неизвестном направлении, чтобы перевести дух и взять себя в руки. После проведения первых поисков Роджера, – точнее, его тела – полиция не могла дать никакого внятного ответа, и версия о его смерти, – а также намеки о его самоубийстве – отпали сами собой; я, однако, сомневаюсь, что от нее полностью отказались. Все остальные версии, которыми осыпали Веронику, были достаточно убедительными, и в то же время свидетельствовали о давней обиде, которую затаили старые друзья Роджера: корнем всех проблем они считали решение Роджера переметнуться от Джоан к новой пассии.

¹ Строчка из стихотворения Уильяма Йейтса «Плавание в Византию».

Дверь ванной щелкнула, и Вероника, в конце концов, вернулась в комнату. Вместо короткого коричневого платья, в котором она была за ужином, на ней был длинный махровый халат того же кремового цвета, что и обернутое вокруг головы полотенце; она сняла линзы, и теперь на носу сидели маленькие прямоугольные очки; серьги в ушах поблескивали в свете ламп.

— Отлично, — сказала она, устроившись на диване поджав ноги, и потянулась за бокалом вина. Она сделала большой глоток.

— Как я уже говорила, история довольно странная. Не скажу, что мне самой сложно в нее поверить, потому что все происходило на моих глазах. Наверное, я не хочу верить, что все так произошло. Надеюсь, ты понял. Если нет, то скоро поймешь. Я читала одну твою книгу — про мумию, или как ты там ее называешь, — поэтому решила, что ты, по крайней мере, непредвзято отнесешься к тому, что я тебе сейчас поведаю. Что тут смешного?

— Прости, — ответил я, — обычно, после того, как люди узнают, что я пишу ужастики, они делятся на два лагеря: одни сообщают мне, что не читают ужасы — точнее, что ужасы им не по душе, — другие же обязательно начинают рассказывать ужастики из своей жизни. Мне интересно, случается ли такое с писателями детективов и романов?

— Что ж, — сказала Вероника. — Еще до того, как Роджер… Еще до его исчезновения я старалась придать всему, что с нами произошло, какую-то связность, упорядочить все в последовательный и логичный сюжет. После того, как он пропал, это стало моей навязчивой идеей. Где бы я ни была, что бы я ни делала — вела машину, смотрела телевизор, стирала белье, вела занятия, — в голове я постоянно прокручивала события прошедших дней, находила связь между казавшимися на первый взгляд разрозненными происшествиями, иногда додумывала целые эпизоды, которые просто не могли не произойти. Целый месяц — это было первое Рождество без Роджера, — я все записывала. Целыми днями я исписывала тетради. Кажется, в общем у меня вышло около четырехсот страниц мелким почерком, но я до сих пор не в состоянии свыкнуться с тем, через что нам пришлось пройти. И по-прежнему не могу все это осмысльть. Время от времени я заглядываю в тетради, пересматриваю написанное: вычеркиваю слова и предложения, добавляю новые на полях и между строк. Сейчас вряд ли кто-то, кроме меня, сможет их прочесть; записи теперь смахивают на абстрактные полотна.

Только что, в душе, я размышляла, с чего мне начать свой рассказ, и стоит ли его сокращать, чтобы быстрее дойти до конца. Я вспомнила нашу последнюю с Роджером ночь. Около трех часов утра Роджер поднялся с кровати и вышел на улицу. Он ходил во сне, я привыкла, — к тому моменту он уже несколько недель как поднимался каждую ночь ровно в три и бродил по дому. Но в ту ночь он впервые вышел на улицу, поэтому я последовала за ним. Обойдя дом несколько раз, он остановился на лужайке на заднем дворе. Была середина лета, но воздух был холодным, словно стояла зима. В пяти метрах от того места, где мы стояли, выдыхая клубы белого пара, была темнота. Не обычная темнота, какая бывает в три часа ночи, а угольно-черная темнота, разрезавшая двор пополам. Зверский холод исходил как раз от нее, словно за домом кто-то возвел огромную стену из черного льда.

Огромная черная занавесь, укрывшая мой задний двор, должна была повергнуть меня в состояние шока, но тогда этого не случилось. С нами уже произошло столько всего странного — то есть абсолютно ужасающего. Тем не менее, я подошла к Роджеру; он уставился в темноту, будто что-то там разглядывал.

— Вот оно, — сказал он.

Я спросила:

— Оно?

— Мое.

Я думала, что мне послышалось, и переспросила:

— Что ты сказал?

— Я, — и он продолжил вглядываться в темноту.

– Ты – твой? – снова переспросила я.
– Мой, – ответил он, и меня осенило.
– Ага, – сказала я, – ты про это.
– Я.
– Оно – твое, и оно – это ты.
– Где мой мальчик?
– Тед?
– Мы должны были тренировать подачи, – сказал Роджер и задумался. – Он ни разу меня не навестил.

– Тед.
Роджер развернулся ко мне лицом, но его взгляд был пустым.
– Ты знаешь моего мальчика?
– Едва ли.
– Раньше он был таким послушным. Мы так часто проводили время вместе. А теперь все изменилось.

– Что случилось?

– Он умер.

Поскольку тогда это было важно, я спросила:

– Как он умер?

– Я запер его, – ответил Роджер. – И выбросил ключ. А потом он умер.

– Он все еще заперт?

Краем глаза я уловила движение. Черная стена пришла в движение и начала колыхаться, словно перед нами действительно был огромный занавес. Если бы каждый квадратный сантиметр моего тела не закоченел от холода, от этого движения я бы покрылась мурашками. Мне показалось, что я разглядела кого-то в темноте – возможно, там стоял человек. Я различила лишь высокую фигуру, которая, казалось, одновременно находится за темной занавесью и в ней. Испугавшись, я отвернулась. Страх дрожью пробежал по спине, а сердце бешено застучало. Я взглянула на Роджера: он так и не ответил на мой последний вопрос.

Он пожал плечами. А затем сказал:

– Должно быть, заперт. Он ничего мне не говорит. Он со мной не разговаривает.

Несмотря на внутренний протест, я снова взглянула на черную стену. Фигура двинулась к нам, и ее очертания становились все отчетливей. Во рту пересохло.

– Роджер, – сказала я. – Тед...

Но тут лицо Роджера перекосило, и он закричал:

– Где он? Что ты с ним сделала? Где мой малыш? Где мой малыш? Где мой малыш?

Часть I. Общая Странность

– Вместо огромной черной занавески на заднем дворе, давай-ка, – сказала Вероника, – начнем с того, как кто-то прервал мой глубокий сон, потому что громко барабанил в дверь моей квартиры. Открыв глаза, я увидела сидящего на кровати Роджера.

– Что происходит, Роджер? – спросила я и посмотрела на часы на прикроватной тумбочке. Три часа. Роджер свесил ноги с кровати и встал. Я снова спросила:

– Кто это?

– Не знаю, – ответил он и направился к двери.

– Подожди, – сказала я, ведь если кто-то барабанит в дверь в три часа ночи, разве может это хорошо закончиться? Роджер не ответил, пересек небольшую гостиную и подошел к двери, которая содрогалась от силы ударов. Теперь уже я соскочила с кровати и подошла к телефону, гадая, успею ли набрать 911 до того, как меня и моего новоиспеченного мужа жестоко убьют.

– Минутку, минутку, – пробубнил Роджер, отпирая дверь. Затем распахнул ее; на пороге стоял Тед.

Тогда я впервые увидела его воочию. Его лицо – вылитая Джоан: те же вытянутые, лошадиные черты, – его перекошенное лицо было красным – нет, багровым, от основания шеи и до самой линии волос. Я никогда не встречалась с такой яростью. В правой руке он держал присланную мной открытку. Он был одет в военный камуфляж зеленого цвета с коричневыми и черными пятнами. Роджер никак не ожидал увидеть своего сына на лестничной площадке посреди ночи, и в том, как он сказал «Тед!», слышалось удивление.

– Я получил вашу открытку, – ответил, точнее, прорычал Тед.

Роджер понятия не имел, о чем тот говорит. Я упоминала, что не сказала мужу о том, что выслала Теду открытку о нашей свадьбе? Он спросил:

– Какую открытку?

– Вот эту! – рявкнул Тед, размахивая карточкой, словно окружной прокурор верховного суда, предъявляющий вещественное доказательство.

Роджер не надел очки для чтения. Ему пришлось наклониться и прищуриться, чтобы понять, что ему показывал Тед.

– Где ты это взял? – спросил он.

Очевидно, Тед считал, что Роджер над ним насмехается.

– Ты мне прислал! – крикнул он, выдергивая бумажку из его рук.

– Я никогда, – начал было Роджер, а затем замолчал. Он догадался, как она попала к Теду. Но вместо этого он сказал:

– Тед. Если хочешь что-то сказать – говори.

Тед только этого и ждал.

– Хорошо, я скажу. Ты бросил мою мать ради какой-то шлюхи-малолетки. Ты ушел после тридцати восьми лет брака только для того, чтобы потрахаться. Ты плонул в лицо женщине, которая посвятила тебе всю свою жизнь.

– Остановись на минутку, – произнес Роджер, но крик Теда заглушил его слова.

– Ты позоришь нашу семью. Ты выставил себя посмешищем!

– Довольно! – теперь уже кричал Роджер.

Он расправился, но все равно был ниже Теда на целую голову.

– Я – твой отец, мистер. И ты должен относиться ко мне с должным уважением. Моя жизнь – это мое личное дело, и это ты тоже должен уважать. Ни ты, ни кто-либо другой не смеете меня судить.

– С уважением! – отозвался Тед. – Которым ты и твоя шлюха отплатили моей матери?

— Ты сейчас говоришь о моей жене, — ответил Роджер. — Начнем с того, что ты сменишь тон.

— А то что? Уйдешь от меня к другому сыну?

— Это просто смешно, — сказал Роджер. — Это возмутительно. Сынок, мы с твоей матерью развелись больше двух лет назад, и ты только сейчас решил об этом поговорить? В три часа ночи? С криками и воплями? Замечательно. Только так у тебя получится привлечь мое внимание к тому, что ты, как тебе кажется, пытаешься мне доказать.

— Я? — сказал Тед. — Я бы с радостью наблюдал, как рушится твоя жизнь. Маме будет лучше без тебя. Но ты не мог уйти просто так, верно? Тебе надо было ткнуть меня в это мордой.

Он взмахнул открыткой.

Роджер склонил голову и сказал:

— Это была ошибка.

— Еще какая!

Я наблюдала за их перепалкой, стоя в дверях спальни. Когда Роджер открыл дверь, и я увидела Теда, в голове мелькнула мысль — примерно на долю секунды, — что мне стоит выйти и представиться, но потом я увидела его лицо, и стало очевидно, что визит его был отнюдь не светского характера. Только если под светским визитом подразумевать засаду. Я осталась там, где стояла. Наверное, мне стоило вернуться в постель, но смогла бы я заснуть, пока эти двое кричат друг на друга? Все произошло слишком быстро. Казалось, лицо Теда могло затрещать по швам в любую секунду, его тело напряглось, словно натянутая струна; Роджер сжал и разжал кулаки. Я не могла поверить, что двое взрослых мужчин собрались драться из-за глупой открытки — я всего лишь пыталась проявить вежливость.

Однако с каждым произнесенным словом они приближали ситуацию, которая бы требовала вызова полиции. Я сняла трубку беспроводного телефона и держала ее наготове. Тед кричал, что Роджер совсем не изменился: в первую и последнюю очередь думал только о себе. Роджер рявкнул в ответ, что Тед начинает забываться, и с него достаточно этого подросткового пафоса. В конце концов, Роджер рявкнул: «Разговор окончен!» — и попробовал захлопнуть входную дверь.

В ту же секунду Тед шагнул вперед. Дверь, налетев на его плечо, отлетела обратно к руке Роджера.

— Он закончится тогда, когда я скажу, — произнес Тед, делая еще один шаг. — Не тебе решать, когда мне уходить. Я уйду, когда захочу.

Роджер оттолкнул его. Точнее, попытался. С таким же успехом он мог бы толкнуть дерево. Тед пошатнулся, а затем устремился к Роджеру и пихнул его в ответ. Роджер полетел на пол.

Должно быть, Тед давно мечтал это сделать. Он наконец-то смог дать отпор отцу. Когда Роджер с грохотом приземлился на пятую точку, с Теда упала маска ярости. Его лицо все еще было темно-красным как свекла, но им больше не двигала жажда мести; казалось, он только начал разминаться перед тренировкой. Похоже, его удивило, как легко было лишить Роджера равновесия, — настолько, что он забыл, что хотел сказать.

Прежде, чем он успел вспомнить, Роджер вскоцил с пола и ударил Теда головой в живот. У Теда перехватило дыхание — он стал похож на мультишного персонажа: выпученные глаза, округленный рот. На этот раз с ног сбили его. Теряя равновесие, он схватил Роджера за футбольку, и они вместе повалились на пол.

Так все и началось. Они яростно набросились друг на друга, катаясь по полу, нанося удары руками и ногами. Я даже не пыталась их разнять. Через несколько минут подъехала полиция; к тому времени Роджер и Тед уже разгромили часть моей квартиры. Они опрокинули книжные шкафы, разбили телевизор и лампу. Все это было, конечно, ужасно; хотя, знаешь, пока они ставили друг другу синяки, мне подумалось, что будь Теду семнадцать, то драка

пошла бы им на пользу. Копы схватили их и попытались растащить, но у них ничего не вышло. Один из них даже заработал себе синяк под глазом. Он же и применил газовый баллончик. Ты когда-нибудь вдыхал эту дрянь? Господи! Ее нельзя использовать в помещении. Роджер и Тед в ту же секунду отлепились друг от друга, завопили и начали остервенело тереть глаза. Их заковали в наручники и потащили вниз по лестнице к полицейской машине. Кажется, я была этому даже рада. Я знала, что утром мне придется ехать в здание администрации, чтобы внести залог, но в тот момент, когда их волокли из моей квартиры туда, где они не смогли бы снова сцепиться, я чувствовала облегчение. Открыв все окна в квартире, чтобы выветрить запах баллончика, я забросила на кровать побольше одеял и постаралась заснуть.

Ключевое слово «постаралась». Как ты понимаешь, сон никак ко мне не шел. С нашей свадьбы не прошло и месяца, а я только что позволила полиции забрать своего мужа, потому что он устроил потасовку со своим, черт возьми, сыном. После такого совсем нелегко упасть в объятия Морфея. Можно было включить телевизор – ах, верно, телевизора у меня больше не было, потому что мой пасынок впечатал в него свой ботинок, когда боролся с отцом. Включив ночник, я сложила подушки Роджера поверх своих и решила почитать – стихи Дикinson, если тебе интересно, – но, как и тщетные попытки отключиться, чтение не помогло мне отвлечься. Мои любимые стихи превратились в набор загадочных фраз с излишними тире:

Не нужно Комнат – с Привиденьями –
Не нужно Дома –
Извилистые Коридоры Мозга – превосходящие
Материальные Рамки –

Я отложила книгу, откинулась на подушки и прикрыла глаза. Я думала, как через несколько часов поеду вносить залог за Роджера и Теда.

Я думала о том, почему все так случилось.

* * *

Роджер рассказал мне о Теде, когда второй раз провел ночь в моей квартире. Мы не спали до утра, рассказывая друг другу о наших жизнях, о семьях. Мы только и делали, что разговаривали, но, на удивление, почти ничего не знали друг о друге. Я бы с легкостью назвала пять лучших книг Диккенса, по мнению Роджера, с полным обоснованием рейтинга, но не была уверена, сколько у него было детей. Думаю, для Роджера все было аналогично. Мы сидели на кухне, потягивая красное вино. Я сказала, что у меня нет детей, и поинтересовалась насчет него в ответ.

– Сын, – ответил Роджер. – Эдвард Джозеф, но мы зовем его Тед.
– Сколько ему?
– Двадцать восемь.
– Чем он занимается?
– Сержант армии США, служит в Силах специального назначения.
– Ничего себе.
Роджер хмыкнул.
– Расскажи о нем.

Что он и делал следующие несколько часов. Начал он с пятнадцатилетия Теда. Существует некий рубеж, верно? В какой-то момент взросления мы достигаем критической массы, когда все, что закипало внутри, внезапно начинает хлестать через край, и мы превращаемся в типичных подростков. Ровно в тот день, когда мне исполнилось тринадцать, ко мне пришло осознание того, что мои родители, а также большая часть моих родственников, – самые послед-

ние идиоты. И я решила вести себя соответствующим образом. Было весело первые пару лет – так же весело, как и медленная смерть от пыток. Если повезет, то через год-другой из этого вырастаешь, но до тех пор от тебя никакого проку, разве что только для лучших друзей.

Роджеру было не впервые. Да и всем нам, наверное. В нашей практике встречалось более чем достаточно студентов, которые так и не повзрослели. В таких случаях интуиция подсказывает: это самое обыкновенное, классическое равнодушие ко всему на свете. Но вместе с тем Тед отдался, и Роджера это глубоко ранило; и, невзирая на то, что он знал причины, отгородиться от боли он был не в состоянии. На место его сына пришел угрюмый незнакомец со свисающими на лицо длинными волосами; он бормотал ответ на любой вопрос и не снимал один и тот же свитер с джинсами несколько дней кряду.

Роджер, в свою очередь, решил его воспитывать. Точнее, пытался: чем больше правил он устанавливал, тем чаще Тед их нарушал. Он перестал заниматься с репетиторами и забросил учебу до такой степени, что постоянно находился под угрозой исключения. Он начал курить марихуану и стал болтаться в соответствующей компании. Вместе с девушкой они попробовали прокрасться к нему в комнату, но, когда Джоан и Роджер их поймали, он в гневе вылетел из дома. Несколько раз его арестовывали за кражу; у Джоан, однако, были связи, и дело никогда не доходило до суда. Время шло, а выходки становились все хуже. Он днями не появлялся в школе. К ужину приходил пьяным или накуренным. Однажды Джоан запретила ему брать свой «мерседес» – как только он ни пытался завести его без ключа, но сам не понимал, что творит, и, в результате, только изрезал провода под приборной панелью. Роджер предложил отправить его в военное училище. Роджер! Ты можешь себе представить? Джоан предложила отправить его к родственникам во Францию. Они так и не смогли договориться, и Тед остался дома, продолжая испытывать терпение родителей. Больше всего Роджера задевало полное безучастие Теда ко всему, кроме курения марихуаны и общения с друзьями. Сплошное своеволие, злостные пререкания, методичное отрицание их с Джоан ценностей – с этим он *мог* смириться. Знаешь, он обожал спорить. Но апатии вынести не мог. Он не знал, как вести себя с тем, кому все равно. Думаю, Тед все понял, и это стало его самой эффективной тактикой.

И если раньше Роджер лелеял сына как зеницу ока, то вскоре уже считал его бельмом на глазу. Но выяснить отношения в открытую они не стали, – во всяком случае, тогда. Его сердце начало черстветь, и он не стал этому противиться. Иногда они вместе смотрели бейсбол, совсем как раньше. Неделя чемпионата по бейсболу была неделей разрядки, если не перемирия; бывало, Роджер, слушая, как Тед бурно возмущался заработанным двойным аутом, вдруг ощущал незнакомую удивительную силу, ослаблявшую его неприязнь; сердце его оттаивало, а по возвезденной между ними стене шли трещины, через которые пробивалось что-то зеленое и живое. Но в то же мгновение Тед, осознав, что по-человечески разговаривает с отцом, осекался, опускал голову и, бормоча «А, плевать», разваливался на диване. Может, Роджеру стоило что-то сказать, кто знает. Может, ему стоило похвалить Теда за меткое замечание. Может, ему стоило ухватиться за возможность поговорить, предоставленную моментом, – но он молчал. Момент был упущен; Роджер упускал его. Его сердце снова превращалось в камень, вся зелень погибала, и на этом все заканчивалось.

Роджер всегда был немного фаталистом. Родителей он потерял еще в молодости: отец умер от рака легких, когда Роджеру было шестнадцать, а спустя четыре года, когда он учился в университете Вандербильда на третьем курсе, от рака груди скончалась мать. Оба родителя были заядлыми курильщиками. Младший брат с раннего возраста пристрастился к алкоголю и не просыпал последующие двадцать пять лет. Сестра рано и неудачно выскочила замуж, и замужеству пришел конец, когда ее муж въехал в дерево и впал в кому на год. Многое еще было, многое связанного с его родителями, – особенно с отцом, – но об этом позже. Скажу только одно: отец его был не самым образцовым. Роджер утверждал, что детство на нем никак не сказалось, но на его глазах ломались жизни самых близких и любимых людей, и это, несомненно,

мненно, оставил свой отпечаток. Потому-то Диккенс и задевал его за живое: бедные дети, несчастные семьи. И за стремлением к успеху стояло как раз-таки упорное нежелание следовать примеру семьи. Оно же и приносило прочную уверенность в том, что худшее не просто может случиться, оно обязательно произойдет и, по большей части, произойдет по его вине. Иначе почему он так долго держался за Джоан? Я уверена, в тот момент, когда Роджер впервые взял на руки Теда, он внутренне был готов к тому, что вскоре вся любовь, радость и гордость, которые он испытывал, померкнут. Когда так и случилось, – или он решил, что случилось, – Роджер, поспешив с выводами, с ужасом заключил, что последняя, как он считал, глава в книге его жизненных неудач подошла к концу.

Но Тед ничего об этом не знал. Сомневаюсь, что даже Роджер отдавал себе отчет в про-исходящем. Не может быть, чтобы он не осознавал всего этого, – просто он всегда гнал прочь неприятные мысли, особенно если они выставляли его в плохом свете. Справедливости ради скажу: вряд ли бы что-то изменилось, если бы Роджер рассказал Теду о своих чувствах. Тед бы, скорее всего, фыркнул и ушел восвояси.

По-видимому, последним важным событием в истории их отношений – еще до того, как мы с Роджером встретились, – стало поступление Теда на военную службу. И Роджер, и Джоан были удивлены. Потрясены. Тед никогда не давал малейшего намека, что подумывает о карьере военного. Тед и «солдат» – понятия несовместимые, понимаешь? Джоан тяжело переживала это известие; хуже, чем Роджер. Ей казалось, что с Тедом у нее была особая связь: он знал, что всегда мог к ней обратиться. Ах, если бы. Он обращался к ней только тогда, когда ему нужны были деньги. Роджер был недоволен – он всегда заявлял, что армия создана для тех, кому мыслительные процессы приходятся в тягость, – но не без удовлетворения отмечал, что Тед, наконец, принял решение и сделал свой выбор, хоть и неправильный. Спорить с Тедом он не стал. В отличие от Джоан, которая только этим и занималась. Он, однако, решил, что его сын сильно изменился. Сильнее, чем на первый взгляд. На той же неделе Тед отправился в тренировочный лагерь. Так все и закончилось.

На момент рассказа Роджера Тед уже как десять лет служил в армии. Он участвовал в войне в Персидском заливе, правда, в основных операциях его подразделение участия не принимало. Он быстро продвигался по служебной лестнице. За три года он дослужился до сержанта. Начальство предложило ему пройти офицерскую подготовку, но он отказался, ответив, что ему неплохо и в сержантских погонах. А затем перешел из пехоты в Силы специального назначения. Роджер и Джоан пару раз приезжали к нему на базы. Эти поездки никогда хорошо не заканчивались. Джоан все не могла привыкнуть к окружавшему ее однообразию, а Роджер не мог перестать грубить любому, кто начинал с ним разговор. Ему говорили:

«Добрый день!» – а он отвечал: «Добрый ли?» Не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять: подавленный гнев Роджер вымещал на любом подвернувшемся под руку несчастном. Во время второго визита, когда продолжавшееся и безудержное вымещение чуть не привело к потасовке с военной полицией, они втроем решили, что будет лучше, если Тед будет приезжать к ним.

Судя по тому, что рассказывал мне Роджер, Теду нравилось в армии. Я тоже никогда не была поклонницей военного дела, но кому-то оно по душе, в том числе и Теду. У Роджера это не укладывалось в голове. Он говорил, что хотел, чтобы его сын жил своей жизнью, но имел в виду совсем другое: если бы Тед принял решение написать диплом по Мелвиллу, а не Диккенсу, то возражать Роджер бы не стал. В отношении сына его ожидания вращались вокруг весьма конкретной области – академического сообщества, – а военная служба не входила даже в ее периферию. Согласись Тед стать офицером, ничего бы не изменилось. В любом случае, Роджер бы остался при своем мнении: Тед попусту растратывает свои способности.

* * *

Я повернулась, чтобы взглянуть на часы. Половина пятого. И хотя тело настойчиво требовало сна, мысли мои были беспокойны. Решив, что кружка теплого молока может помочь, я откинула одеяла, выбралась из кровати и побрела на кухню. По дороге я закрыла все окна в гостиной. Вонь от баллончика почти рассеялась, но слабый запах жег нос. Достав большую кружку из кухонного шкафа, а затем и молоко из холодильника, я пришла к выводу, что плохие воспоминания Роджера были одной из причин, почему они с Тедом поколотили друг друга на полу моей гостиной, но не единственной. Так я ему и сказала в ту ночь, в ночь нашего разговора. Я сказала: «Не верю, что все было так плохо». Если взаимоотношения вдруг резко испортились, разве это не подразумевает, что изначально все было хорошо? Гнев не произрастает из равнодушия; самый верный путь к ненависти – через любовь.

– А каким был Тед в детстве? – спросила я. – Когда он был совсем ребенком?

– Тогда, – сказал Роджер, – все было по-другому.

С отрешенным видом он уставился в пространство...

* * *

...И в то же мгновение оказался в родильной палате в Пенроуз. Джоан закричала, доктор сказал: «А вот и он!» – и Роджер узрел своего голого, мокрого и плачущего сына. Они долго пытались зачать ребенка, и на десятом году брака у них, наконец, получилось. К тому же, первенцем был мальчик – можешь представить, что это значило для Роджера, человека традиционных взглядов? Он получил сына, наследника, и тому подобное. Джоан, конечно же, его тоже любила – по-своему, холодно, на расстоянии; но, знаешь, как только Роджер взял Теда на руки, посмотрел в его глаза, впервые увидевшие мир, он влюбился без памяти. Должно быть, и ты испытал подобное после рождения сына.

В первый год Роджер и Тед были неразлучны. Везде ходили и все делали вместе. Когда Тед повзрослел и начал осмысленно воспринимать происходящее на экране телевизора, он пристрастился к бейсболу. Роджер не мог разобраться, почему; лично ему нравился баскетбол, а Джоан – тут без вариантов, поло у нее в крови. Роджер включал телевизор, и Тед, наблюдая за игрой, смеялся до упаду. Как только Тед пошел и научился бросать, Роджер купил ему бейсбольную перчатку, мяч, биту, все сразу, – и купил перчатку для себя. Ты видел лужайку у Дома. Она размером с бейсбольное поле. В течение десяти лет они – если позволяла погода – выбегали во двор и начинали бросать друг другу мяч. Когда им надоедало, они брали биту; Роджер подавал, а Тед отбивал; затем подавал Тед, а отбивал Роджер. А когда и это наскучивало, они снова принимались бросать друг другу мяч. Вместе они стали неотъемлемой частью обличья квартала: невысокий мужчина в рабочей рубашке и брюках и высокий долговязый мальчишка в футболке и джинсах. Роджер далеко не спортсмен, но с удивлением отмечал, сколько удовольствия находит в таком незатейливом занятии, как перебрасывание мяча Теду. Тед играл в малой лиге, и Роджер не пропускал ни одной игры. Тогда его авторитет позволял ставить занятия таким образом, чтобы они не пересекались со временем матча. В один из сезонов ему разрешили стать помощником тренера, но закончилось это плачевно. Страсть, как он сказал мне, – это лишь подспорье таланту. Представляю, как он подбадривал команду девятилеток цитатами из Теннисона:

Долиною смерти, под шквалом картечи,
Отважные скачут шестьсот.

К всеобщему облегчению, он отказался от своей затеи и вернулся на трибуны.

Их связывал не только бейсбол, далеко не только бейсбол. Роджер читал Теду. Каждый вечер он выделял, по меньшей мере, час на то, чтобы познакомить Теда с мальчишескими книжками: «Остров сокровищ», «Хоббит, или Туда и Обратно», «Айвенго». Можно подумать, что раз Джоан училась по профилю «Начальное образование», то помогала с домашней работой Теду именно она, но можешь ты ее представить преподавателем начальных классов? Как тебе такая идея для ужастика? Ей плохо давались разъяснения – ну еще бы! – вместе с Тедом они решали математические задачки, но он, как и все дети, был почемучкой, а Джоан не хватало терпения. И как бы не заявляла Джоан, что образование Теда – ее заслуга, это ложь. Именно Роджер откладывал письменные работы студентов, спускался на кухню из своего рабочего кабинета на третьем этаже и раскрывал Теду предпосылки луизианской покупки.² Роджер смотрел с Тедом его любимые мультики; водил на последние новинки кинопроката. Он признался, что не ожидал подобного – его застигла врасплох всепоглощающая и безумная любовь, которую он испытал к своему малышу.

Конечно, не обходилось без ложки дегтя. Тед, вообразив себя Человеком-Пауком, попытался вскарабкаться по стене и сломал руку. У него был типичный набор детских болезней, в частности, цитируя Роджера, самый тяжелый случай ветрянки. В четвертом классе он постоянно воевал с классным задирой. Были проблемы и посеребренной. Тед плохо читал. Роджер мог беспрерывно зачитывать ему книги вслух, и Тед исправно сидел и слушал, но к самостоятельному чтению не испытывал никакого интереса. Роджер купил десятки книг на всевозможные темы. Но если Теда не захватила история бейсбольного клуба «Янкиз», то что уж и говорить о «Приключениях Оливера Твиста». Подобное отсутствие интереса к чтению отражалось на успеваемости: Тед получал высокие оценки по математике и естественным наукам и средние, а иногда и неудовлетворительные, по английскому языку и обществознанию. Он старался. Часами страдал за кухонным столом, засиживался над письменными и устными заданиями до ночи. Роджер сидел вместе с ним, силясь истолковать систему, казавшуюся Теду мудреной и запутанной. Он продолжал читать вслух, но теперь предварительно осведомлялся у Теда, не желает ли тот почитать сам. Тед неизменно отвечал отказом, и с каждым разом Роджер все меньше старался скрыть свое разочарование, рассчитывая таким образом сыграть на чувстве вины. Было учреждено ежедневное чтение: час в день Тед был вынужден биться над текстами, отобранными отцом. Сначала, до того, как Тед мог выйти на прогулку, сходить в гости к друзьям или даже заняться домашним заданием, он был обязан явиться в гостиную и под присмотром Роджера попытаться осилить «Дэвида Копперфильда». И за два года под пристальным наблюдением он прочел его от корки до корки. Как только Тед заканчивал читать, Роджер начинал расспрашивать его о мелочах, чтобы убедиться, что Тед не витал в облаках. Этот же метод Роджер использовал на своих занятиях. Если Тед был не в состоянии дать удовлетворительный ответ, Роджер назначал дополнительный час. Джоан вмешалась, когда чтение стало мешать бейсбольным тренировкам; и тогда Роджер передвинул занятия с сыном на вечернее время.

Прошло много лет, прежде чем один из учителей Теда предложил Роджеру и Джоан проверить сына на дислексию – ты можешь себе представить? Он был в седьмом классе. Ему было двенадцать. Куда смотрели учителя в начальной школе? И куда смотрела Джоан? Разве в силу профессии она не должна уметь распознавать подобные нарушения? Если, по ее словам, она только и делала, что занималась с Тедом, то как она могла не заметить? Как только диагноз подтвердился, Роджер и Джоан потратили кучу денег на частных педагогов для Теда, и его техника чтения улучшилась. Но если техника улучшилась, то интерес, точнее его отсутствие, остался прежним. Тед не любил читать. Представь, каково от этого было Роджеру – ведь себя

² Покупка США французских земель в Северной Америке в 1803 году.

он считал, в первую и последнюю очередь, заядлым книголюбом. Они играли в бейсбол, вместе смотрели телевизор и фильмы, и Роджер не оставлял надежды, что однажды они вместе предадутся чтению в библиотеке. Но, как понимаешь, требования Роджера были завышены: он упорно не мог смириться с в целом незначительным, но существенным для него отличием Теда. И когда Теду исполнилось пятнадцать, все занятия чтением канули в Лету.

* * *

Теплое молоко было выпито, но сна – ни в одном глазу. Встав из-за стола, за которым Роджер поведал мне историю о своем сыне, я поставила кружку в раковину и вернулась в спальню. Часы показывали начало шестого: за окном светало. Вскоре взойдет солнце, и эта странная ночь подойдет к концу. Я села на кровать. Сложные отношения Роджера и Теда – половина причины, по которой Тед ступил на порог моего дома. Второй половиной… Не знаю, как много ты знаешь о наших с Роджером отношениях. Твоя жена преподает на факультете, и, полагаю, ты тоже. Ты знаешь про скандал. Наслышен, как мы с Роджером сошлись. Хотя, как я уже сказала, все было не так противно, как все думают.

* * *

Брак Роджера и Джоан распался уже давно: с тех пор, как она переспала с преподавателем с кафедры антропологии. Спорим, ты об этом не знал? Никто не знал, потому что она клялась Роджеру, что это была ошибка, и он, чтобы не выносить сор из избы, простил ее. Вы все даже не подозреваете, сколько всего он ей прощал. Вспомни, как на вечеринках Роджер напивался, а Джоан стояла как истукан – спокойная и невозмутимая – и все наверняка думали: «Бедная Джоан! Посмотрите, с чем ей приходится мириться». Я тебя умоляю. Когда в последний раз она улыбалась? Я не уверена, может ли она улыбаться после всех этих подтяжек; а если попытается, то все ее лицо располнется по швам.

Когда между мной и Роджером все только начиналось – когда он впервые провел у меня ночь, – как бы это банально не звучало, все произошло случайно. Мы все время проводили вместе: сидели в офисе Роджера, пили кофе в закусочной, ходили в кино; но я не думала, что между нами могло быть что-то большее, чем… Не знаю – дружба? Он ведь меня и жене своей представил, и я заметила ее снисходительную ухмылку. Она явно не видела во мне угрозы.

Я слышала о Роджере Кройдоне, пока училась в Пенроуз. Наш профессор-викторианист была слегка одержима идеей опровергнуть все научные исследования Роджера, и за закрытыми дверьми своего кабинета всегда была готова перемыть косточки «молодым очаровашкам» Роджера. «Он точно спит с ними, – говорила она. – Боже мой! Мы ведь не в каменном веке живем!» Когда мы с Роджером начинали пререкаться, я озвучивала ее доводы. Они не срабатывали: были недостаточно убедительными. Так вот, когда я поступила в магистратуру в Гугеноте, я знала, что мне нужно попасть к нему на занятия. После всего, что я о нем слышала, разве могло быть по-другому? Я прочитала парочку его статей, и они были довольно неплохи.

К чему я не была готова, так это, собственно, к самому Роджеру. Он вел курс по Диккенсу, и занятия проводились в аудиториях на цокольном этаже гуманитарного корпуса – ты и сам знаешь: нет окон, низкий потолок – страшный сон клаустрофоба. Не говоря уже об антураже: пластиковые сиденья, откидные столики, дешевая краска на стенах – стиль, который я называю «городская заурядность». А потом вошел Роджер. Коротышка, больше походящий на боксера, чем на профессора английского языка, зашагал в центр аудитории, бросил свой портфель на стол и, не медля ни секунды, начал лекцию. Все вмиг преобразилось. Неудобные сиденья, флуоресцентные лампы, гудящие над головой, сидящий рядом парень, покашливающий каждые две минуты, – все исчезло, точно сдуло ветром. В тот момент для меня существовал

лишь мужчина в свободных льняных брюках, белой рубашке и бежевом пиджаке; его седые, но густые и давно не стриженные волосы; его морщинистое и усталое, но оживленное лицо, на котором отражалось пламенное желание рассказать нам о Чарльзе Диккенсе.

Я могла дословно пересказать почти всю лекцию; что-то я помню и сейчас. «Писал ли Диккенс мелодрамы? – спросил нас Роджер, приподняв бровь. – Несомненно! Как еще можно назвать убийство Нэнси Сайкс, смерть крошки Нелл, преследование леди Дедлок? Если творчество Диккенса изобилует мелодрамой, то только лишь потому, что мелодрама царила в его жизни и в окружающем его мире. С самого начала – с тех пор, как его спокойная жизнь была нарушена, с тех пор, как его отправили работать на фабрику ваксы, – и до самого конца, – когда Диккенс пережил крушение поезда во Франции, – его повсюду преследовала мелодрама. Как и всех нас, несмотря на то, что многое из того, что зовется литературой и литературной критикой, не предает этому значения». Лекцию он завершил цитатой из Грэма Грина. «Вот почему, как говорит Грин, при чтении романа „Большие надежды“ нам кажется, что мы подслушиваем за рассказчиком, являемся свидетелями его разговора с самим собой. Рассказчики Диккенса рождаются из рассказанных ими историй; как, впрочем, и их автор».

Вот так. Разве я могла устоять? Да, самомнения ему было не занимать, но что с того? Он имел четкое представление, о чем говорил. Ну и, конечно, мне повезло: я сразу стала его любимицей. В тот вечер он задержался после занятия, чтобы побеседовать со мной; на следующее утро я пришла к нему в кабинет, и мы продолжили дискуссию. А еще через день мы встретились в закусочной «Плаза Дайнер». Я подозревала, к чему все идет, но не раздумывая окунулась в омут с головой. Списав сплетни профессора из Пенроуз на профессиональную зависть, я, тем не менее, не могла не отрицать их безосновательность. Роджер представил меня Джоан на второй неделе нашего знакомства – разве так делают, если хотят переспать с человеком? Джоан мне сразу не понравилась, и я уверена, чувство было взаимным. На ней был такой темно-синий брючный костюм с шарфом в бело-голубую полоску, как будто она была готова встать за руль своей яхты. Не хватало только капитанской фуражки. Она была тощей, изможденной наружности, до которой некоторые женщины доводят себя в среднем возрасте в попытках убедиться, что находятся на пике своего великолепия. Она была вполне вежлива, но я чувствовала, как вслед любезностям она начала измерять меня взглядом, словно вертела в руках обнаруженную в антикварном магазине статуэтку. Быстро заключив, что я всего лишь обычная дешевка, она поняла, что поводов для беспокойства нет. Мы виделись и после, но каждый последующий раз она делала вид, что меня не замечает.

К чему я веду: мои подозрения относительно Роджера быстро рассеялись. И никаких видов я на него не имела. Признаюсь, он казался мне невероятно привлекательным. Ни один мужчина его возраста не вызывал у меня такой симпатии. Я не знала его точного возраста, но казался он, по крайней мере, ровесником моей матери, а я никогда не влюблялась в знакомых своих родителей. В целом, я считала их... старыми. Нет, у них, конечно, были достоинства, но, когда я встречалась с коллегами отца, они вели себя отстраненно, были погружены в свои мысли. Немудрено, ведь им надо было думать о работе, семье, ипотеке или кредите на машину. Роджер был совсем на них непохож. Он был... Энергичным, и умел делать так, чтобы тебе казалось, что вся эта энергия сосредоточена на тебе. У него были зеленые-зеленые глаза. Можно было легко вообразить, каково это – встретить взгляд этих глаз. Бытует представление, что, когда женщина заводит отношения с мужчиной, который старше, гораздо старше ее, она подсознательно ищет фигуру отца. А что еще ее может привлекать в нем? Не буду говорить за всех, но в моем случае дело было совсем не в этом. Если бы я постаралась, то, без сомнения, обнаружила бы некоторые параллели между Роджером и своим отцом, но, в том-то и дело, мне пришлось бы приложить усилия, чтобы их отыскать. Папа был спокойным, шутил глупые шуточки, любил спорт, – когда его не стало, больше всего я жалела о том, что он так и не попал на Супербоул или Мировую серию по бейсболу. Он читал, но в основном Джеймса Клавелла

и Джеймса Миченера; ему нравились гигантские многотомники, в которых рассказывалось о космических программах, Аляске или феодальной Японии.

Если у меня и были чувства к Роджеру, то я была уверена, что они были невзаимны, так что отбросила все мысли по этому поводу. И долгое время между нами ничего не было. Я не имела каких-то скрытых мотивов, когда предложила Роджеру вместе посмотреть экранизацию «Николаса Никльби». Забавно. Я до сих пор помню тот день: первое марта. Он казался нервным с того самого момента, как ступил на порог моей квартиры. Я не могла понять, чем вызвано это волнение, пока он не наклонился и не поцеловал меня на прощание. Но какой это был поцелуй... Мои глаза распахнулись, и я подумала: «Ого». Все стало на свои места, или как там говорится. От него пахло вином, которое мы распили за просмотром. Я ответила на поцелуй, и он меня обнял. Мы... В ту ночь он не вернулся домой, и на следующую тоже, и все было хорошо, потому что Джоан на неделю уехала к сестре на Манхэттен. Кто знает, как бы все обернулось, если бы она осталась дома. Хотя нет, это не важно. Я и Роджер – это было неизбежно. Не случись все тогда, случилось бы позже.

В ту первую ночь, когда мы лежали в моей кровати, обнявшись так, как обнимаются люди, впервые познавшие друг друга, я спросила Роджера, так ли он задумывал все перед приходом.

- Нет, – ответил он. – Но надеялся.
- С тобой такое уже случалось?
- Раньше никогда.
- Тогда почему сейчас? Почему я?
- Стоило попытаться, – сказал он.

* * *

К тому времени солнце заступило на свою ежедневную службу, и квартира наполнилась светом. Перед тем, как уехать, полицейский – не тот, что с синяком под глазом, – сказал, что я смогу забрать Роджера и Теда в девять утра. Я подумала, что было бы желание, то могла бы поспать пару часов, но ввиду его отсутствия я направилась в ванную, чтобы принять душ.

* * *

Наши отношения с Роджером вспыхнули как спичка. Мы не могли насытиться друг другом, и меньше всего нас беспокоила осторожность. Наша связь раскрылась через три недели, и, оглядываясь назад, я удивляюсь, как нам удалось так долго сохранить отношения в тайне. Пару раз мы чуть не попались. Ты слышал, что меня и Роджера застала Джоан – «застукала», как она сказала, когда зашла в его рабочий кабинет. Она ахнула и произнесла: «Я вас застукала!» Как героиня второсортной пьесы. Небось, репетировала. Она должна была что-то заподозрить. Роджер с каждым днем все реже появлялся дома, все позже и позже возвращался и выглядел как никогда счастливым. Как она могла не сообразить, что он с кем-то встречается? В этом смысле наши отношения... Я не знаю. На тот момент наш роман был важнее всего на свете. У нас было свое таинство. Все было непривычно и ново, и такое наверняка уже случалось, – сколько сотрудников женились во второй, а то и третий раз? – но не так, как у нас. Не так, как с нами. На ум пришло сравнение с «Джейн Эйр». Я – способная, молодая, независимая женщина, и Роджер – зрелый, сварливый Рочестер, живущий в огромном доме с кошмарной женой. Да, я немного преувеличила, но все же. Если я не могла найти литературный прецедент, точно соответственный нашему положению, то, согласись, это лишь подчеркивало его уникальность.

А потом Джоан обнаруживает нас на раскладном диване в кабинете Роджера, кричит «Я вас застукала!», и я внезапно даже не знаю, что и думать. Может, моя, то есть наша история не так уж и нова. Может, я была героиней не романа, а фарса, – какой-нибудь жалкой пародии на

«Пейтон Плейс». Оказывается, у всего есть прецедент. И я ничего не нашла, потому что искала в разделе «Литература», а надо было искать в разделе «Литературный мусор». Не Толстой ли говорил, что Бог – так себе писатель? Другой раз так и хочется согласиться, да?

На Джоан была светлая блузка и коричневые брюки. Она смотрела, как мы пытаемся прикрыться крошечным одеялом; она подоспела в нужный момент, произнесла свою реплику и покинула сцену. Роджер застегивал пуговицы на рубашке, когда мы услышали рев мотора «мерседеса». Он рванул к входной двери, но Джоан, вжав педаль в пол, унеслась прочь. Все замерло: Роджер с наполовину застегнутой и незаправленной рубашкой, ни носков, ни ботинок, с протянутой к ручке входной двери рукой; и я, все еще прикрывающаяся одеялом, с волосами, падающими на глаза. Двадцать один день мы жили в своем собственном мире тайн, тайных знаков, тайных, только нам понятных шуток, тайных встреч. И весь остальной мир – который я считала реальным, как бы это парадоксально ни звучало, ведь, оглядываясь назад, все, что произошло между нами, было самой что ни на есть реальностью, – казался нам невероятно далеким. Это было похоже... Если я скажу «на сказку», то не потому, что были сопли и романтика, нет; Роджер староват для роли Прекрасного Принца, да и мои данные вряд ли дотянут до уровня Белоснежки. Но было ощущение, что мы живем в сказке: в мире, где гла-венствуют правила и законы, отличные от тех, к которым мы привыкли. В этом мире зеркала отвечали на вопросы, а животные разговаривали; в нем существовали гномы, ведьмы и хрустальные туфельки. Когда мы, в конце концов, могли друг от друга оторваться, – как правило, в закусочной, – мы обсуждали, куда эти отношения нас приведут. Мы знали, что столкнемся с последствиями наших действий. Знали, но, по правде говоря, не придавали этому значения. «Последствия» были всего лишь словом.

Но когда Джоан измерила нас взглядом, – когда она как ужаленная умчалась на машине, – когда все это случилось,казалось, что наш сказочный мир бомбой влетел в настоящий. Все, о чем мы говорили, все возможные варианты развития событий, которые мы обсуждали, вплоть до такого, в котором Роджер уходит от Джоан и переезжает ко мне, – все они превратились из набора слов во вполне реальные перспективы. Мы получили то, о чем мечтали. Разве не говорят «остерегайся своих желаний»? И вот, пожалуйста: мы получили, что хотели, и застыли как вкопанные, не зная, что с этим делать.

Но вскоре оттаяли. Я ни секунды не сомневалась, что Роджер впадет в панику и скажет: «Нам было хорошо вдвоем, но у меня есть жена». Я не склонна к фатализму. Но они прожили вместе тридцать пять лет. Когда мы с Роджером переспали, я пообещала себе, что не буду себя обманывать. Я осознавала свои чувства и думала, что знала, что он чувствует ко мне; но все же иногда одной любви недостаточно. Я не обманывала себя ожиданиями и воспользовалась подвернувшимся шансом, но всегда знала, что всему придет конец. Даже в наши самые... интимные моменты, тихий голосок в моей голове продолжал шептать: «Это – не навсегда».

Поэтому я не поверила своим ушам, когда Роджер повернулся ко мне и сказал: «Одевайся, нам срочно нужно в банк». Все их счета были общими, и Роджер опасался, что Джоан собирается снять все до копейки. «Если она уже там, у тебя есть наличка?» – спросил он, пока я натягивала джинсы; именно тогда я поняла, что голос в голове был не прав. Это был не конец. Все только начиналось. Я спешно оделась, и мы поехали в банк. Джоан не успела обчистить счета, и Роджер, сняв половину, открыл свой собственный счет. Мы вернулись домой и сели на кухне доедать остатки жареной курицы. Потом мы смотрели телевизор в гостиной. Наш мир стал реальностью. Словно раньше мы жили на полотнах Моне среди размытых границ и теплого света, а затем нас резко перебросило на гиперреалистичные картины Люсбена Фрейда. Я испытывала... Я явственно осознала, что претерпеваю метаморфозу. Такое случалось со мной всего пару раз в жизни.

Через неделю Роджер переехал ко мне. Он и Джоан начали долгий и запутанный процесс развода. А я стала вавилонской блудницей. Не хочу лишний раз возвращаться к этому. Вся

ночь уйдет только на то, чтобы перечислить все, что сделала Джоан, чтобы ты понял: она была полнейшей стервой. Она проникла в мою квартиру и разгромила ее ко всем чертям, словно частный детектив-любитель. Тем временем друзья Роджера и Джоан встали на ее сторону, как будто не имели ни малейшего представления об их отношениях. Мне кажется, женщины опасались, что для их мужей Роджер мог стать кумиром для подражания, а этого, в свою очередь, боялись мужья. Я как будто вернулась в школу. Всегда думала, что с возрастом приходит зрелость. Как же я ошибалась. Меня окружали люди вдвое, а то и втрое старше, но они ничем не отличались от школьников, перебрасывающихся записками. Если честно, мы с Роджером были счастливы – ты даже представить себе не можешь, насколько, – но временами это ребячество раздражало.

Единственными, кто относился к нам по-божески, были Эдди и Харлоу. Помню, я очень удивилась – приятно удивилась, – когда одним субботним днем зазвенел телефон, и я, подняв трубку, услышала незнакомый голос – голос Эдди; она пригласила нас на ужин. Поднимаясь по ступеням крыльца, я на секунду испугалась и почему-то была уверена, что это приглашение окажется западней, что внутри нас ждет Джоан. Но мне не стоило волноваться. Вечер предстоял нелегкий – все же с Роджером и Джоан они познакомились, когда те перебрались в Гугенот, – но благодаря Эдди мы приятно провели время. Слава богу, мне посчастливилось ее встретить.

* * *

Даже после очень долгого душа у меня еще оставалось три часа до того, как я могла поехать за Роджером. Я могла бы заняться уборкой, чтобы устранить последствия ночной схватки, но, в итоге, решила, что оставлю это Роджеру. И все же мне не хотелось оставаться в квартире, и тогда я решила, что лучше уж позавтракаю в «Плаза Дайнер» и убью немного времени за чтением «Таймс». Я долго не могла решить, что надеть, поскольку не знала, под какую категорию – официальное или неофициальное мероприятие – попадает визит в полицейский участок. Остановившись на официальном, я выбрала бледно-голубой костюм и белую блузку. Затем убрала волосы, не стала надевать линзы и оставила очки: так я выглядела более представительно. Покинув развалины своей квартиры, я отправилась навстречу тарелке с яйцами бенедикт и многотиражной бумажке с новостями.

* * *

За все то время, пока шел развод, Тед ни разу не объявился. Я была уверена, что он позвонит или напишет – в конце концов, разводились его родители, но, знаешь, как только они разорвали отношения, Джоан первым делом позвонила Теду и рассказала свою версию событий. Я уговаривала Роджера связаться с ним и объяснить ситуацию. А иначе все выглядело так, будто Роджер брал на себя вину за произошедшее. «Нет, нет, уже слишком поздно» – вот так он мне ответил. Тед с радостью поверит, что во всем виноват отец. Я не стала спорить – он уже вбил себе это в голову, и, на тот момент, у нас были дела поважнее, – но я подумывала о том, чтобы самой написать Теду. Роджер имел право быть услышанным. Но, сев за компьютер, я не знала, что писать. Не знала, с чего начать. «Здравствуй, пишет тебе женщина, ради которой твой отец бросил твою мать»? У меня никак не получалось объяснить произошедшее с точки зрения Роджера и при этом не искать оправданий своим поступкам. Понимаешь, я не хотела уподобляться Джоан. У меня до сих пор на компьютере лежит файл с названием «Письмо Теду». Но он так и остался пустым.

Пока Джоан вламывалась в мою квартиру, отправляла мне гневные письма, кричала в трубку оскорблений, все это время Тед отмалчивался. Когда я заговорила об этом с Роджером,

он ответил, что молчание Теда говорит само за себя. Нанесенная Тедом горькая обида в нем еще не остыла. Он отложил ее в долгий ящик и старался о ней не думать, пока снова не возвращался и не обнаруживал, что эта обида со временем ничуть не померкла и не угасла. Тогда-то я осознала, какой глубокой она была. Утром, за чашкой кофе, я поняла, что он презирал своего сына. Страшно, когда родитель так относится к своему ребенку. Из всего, что Роджер мне на рассказал, я сделала вывод, что Тед был и в половину не так плох, как я в его возрасте, но мои родители никогда меня не презирали. По крайней мере, непохоже было, что они меня ненавидели. Если бы тогда было все по-другому – если бы эти чувства так и остались в этом ящике – я бы даже об этом не беспокоилась. Но тогда мне казалось, что я живу с человеком, который постоянно носит с собой заряженное ружье.

Как там говорил Чехов? Если в первой главе на стене висит ружье, то в третьей оно должно непременно выстрелить? Прямо про меня.

А потом была наша свадьба. Мы не планировали жениться. Он только что освободился от первого брака, а мне было достаточно и того, что каждое утро мы были рядом. Женитьба была ни к чему. Но потом оказалось, что я беременна. Мы испытывали судьбу: Роджер как-то не задумывался о презервативах, а я надеялась, что пронесет. Да, знаю, глупо. И неправильно. Это случилось уже после того, как развод завершился. Роджер отдал Джоан все – он хотел покончить с ней раз и навсегда, – все, кроме дома. Дом Бельведера – тот самый вопрос, из-за которого развод так затянулся. Как будто на его долю выпало недостаточно невзгод. Изначально Джоан хотела отсудить его себе; Роджер хотел его продать. Затем он передумал, а о продаже задумалась Джоан. Потом они оба решились продать дом, но не могли договориться, как поделить выручку. И так далее. Наконец, они достигли абсурдного, запутанного компромисса. На продажу выставляться дом не будет, его сдадут в аренду, а вырученные деньги разделят на три части: одна Роджеру, вторая – Джоан, а третья – на содержание дома. За год до этого я предложила то же самое решение, но стал ли он меня слушать? Конечно, нет.

Между тем, меня начинало подташнивать. Три дня я не могла спокойно съесть ничего, кроме соленых крекеров с водой; тогда-то я начала подозревать, что забеременела. Всю следующую неделю я отказывалась в это верить, но потом купила тест на беременность, и мне пришло посмотреть правде в глаза. Я выходила замуж, потому что меня обрюхатил шестидесятичетырехлетний бойфренд. Иного пути не было. Потому что Роджер был так воспитан. И я, собственно, тоже, но в моем случае на решение повлияли и другие факторы. Как только я решила, что буду рожать, мысли о будущем разом нахлынули и накрыли меня с головой. Я чувствовала одиночество и страх. Если бы Роджер не сделал предложение... Я вышла из ванной и показала ему результаты теста; он взглянул на меня с дивана и произнес: «Значит, ты выйдешь за меня?» – и если бы он не спросил, я бы вышвырнула его вон.

Но этого, к счастью, не случилось, и на следующий день мы поехали получать разрешение на заключение брака, а через день в городской Ратуше судья Кэрол Таттл провела церемонию, и я официально стала второй миссис Роджер Крайдон. На мне было платье цвета голубой стали и бледно-желтый жакет. На Роджере была рубашка с галстуком и темно-синий пиджак, который, кажется, есть у каждого профессора английского языка – похоже, его выдают после присвоения докторской степени. Меня тошнило и кружилась голова. Я боялась, что меня стошнит прямо на судью. Она действовала мне на нервы. Во время церемонии она поглядывала на нас как на цирковых уродцев. «Узрите женщину, которая своему мужу в дочки годится». Можешь себе представить? Наверняка она была близка с Джоан.

Свадьбу Роджер хотел отметить в ресторане «Канал Хауз». Но мы бы только зря потратили время и деньги. Не считая крекеров и легкого бульона, одного взгляда на еду было достаточно, чтобы я уносилась в уборную. Поэтому Роджер взял сэндвич с ветчиной и пармезаном в закусочной «Мандзони», и брачную ночь мы провели за просмотром сериалов, валяясь на

диване в объятиях друг друга. В какой-то момент Роджер отнес меня в кровать, но только для того, чтобы уложить спать.

О свадьбе мы не распространялись. У нас снова был общий секрет. И о беременности мы тоже никому не рассказывали. Полагали, что со временем и так все узнают. Через пару недель, когда все больше людей стало замечать наши кольца, мы разослали сообщения родственникам и друзьям. Это были простые открытки, в которых было написано: «Роджер и Вероника Край-дон будут проживать по адресу 308 Спрингроун Роад, Гугенот, Нью-Йорк, 12561». А ниже Роджер добавил первую строчку сонета Элизабет Барретт Браунинг: «Как я люблю тебя? Счи-тай». Я сказала, что это слишком, но для него это было важно. Все сделали вид, будто ничего не произошло, кроме, конечно, Эдди и Харлоу: они прислали красивую открытку, огромный букет и кофеварку. Ах, да, и из Калифорнии мне позвонила мама.

Кажется, я ее почти не упоминала. Все, что тебе надо знать, – это то, что с шестнадцати лет я была предоставлена самой себе. До этого у нас была более-менее стандартная семья: мама, папа и я. А потом папа умер, и мама сломалась; забота обо мне легла на мои же плечи. Угадай, как я поступила в Пенроуз? Кто собирал документы для поступления и материальной помощи? Кто раз за разом приходил к консультанту по материальной помощи, а затем и к представителю стипendiального фонда? Подсказка: не мама. Мои первые полгода в колледже она только и делала, что сидела на диване и смотрела старые видео с отцом. Ее горе было ни с чем не сравнимо. Она любила повторять: «Мой папа тоже умер, и я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Но тебе не понять, каково это – потерять супруга». Клянусь, я едва сдерживалась, чтобы не закричать. Так вот, во время рождественских каникул, в мой первый год в Пенроуз, она решила, что хватит с нее траура, теперь ей надо сменить обстановку. Ее младшая сестра, тетя Ширли, пригласила ее к себе, в Санта-Барбару, погостить, присмотреться, и, может, вовсе туда перебраться. Разумеется, она думала, что мы поедем туда вместе. Но я не собиралась бросать учебу. Мы тогда сильно разругались, и, в итоге, она переехала в Калифорнию, а я осталась, сняла квартиру и больше мы с ней почти не общались. Может, я звонила ей разок-другой, когда мы с Роджером только сошлись, но разговоры были редкими и короткими. Я вскользь упомянула, что у меня кто-то есть, и у нас все серьезно, но она лишь ответила: «Я за тебя рада» – так что я решила не вдаваться в подробности.

И неудивительно, что, когда однажды утром в понедельник зазвонил телефон, и я взяла трубку, из него донесся ее голос:

– Ты вышла замуж?

Да, вышла, но сказала я другое:

– И я рада тебя слышать, мама.

– Что ты наделала?

– Что ты имеешь в виду? Я вышла замуж.

– Вероника, я знаю, я получила твою открытку. Я узнала о помолвке своей единственной дочери – даже не помолвке! – я узнала о том, что моя дочь неизвестно когда и неизвестно за кого вышла замуж из открытки, присланной по почте.

– Все случилось спонтанно, – ответила я. – Я ведь рассказывала тебе о Роджере.

– Но ты не говорила, что он твой жених.

– Я сказала, что мы живем вместе.

– Такого ты не говорила.

– Говорила. Пару телефонных звонков назад.

– Тебе кажется, что ты говорила, но, поверь мне, если бы ты сказала, что живешь с мужчиной, я бы это запомнила.

– Мне все равно, мама. Я знаю, что говорила.

— А я знаю, что нет. Ну, я так понимаю, мне придется смириться с тем, что в день свадьбы моей дочери меня не было рядом. Что за Роберт? Давно вы знакомы? Надеюсь, давно, раз вы жили вместе.

— Его зовут Роджер, — поправила я, — Роджер Кройдон. Мы вместе уже несколько лет.

— Кройдон? Что за фамилия?

— Не знаю. Американская, наверное.

— Не знаешь?

— Мама.

— Чем он занимается?

— Профессор в колледже.

— Вот оно что. Он преподавал у тебя?

— Он вел у меня один курс...

— Так вот как ты зарабатываешь пятерки.

— Мама!

— Прости. Понимаешь... Сколько ему лет?

— Порядочно, — ответила я.

— Почему удивляешь?

— Потому что это не твое дело.

— Ах так, понятно. И твоя свадьба — тоже, что ли, не мое дело?

— Хорошо. Роджеру шестьдесят четыре.

— Шестьдесят четыре?

— Ага.

— Вероника, ты же понимаешь, что он старше меня?!

— Да, мама. Но это не имеет никакого значения.

— Да, конечно. Правильно ли я поняла — тетя Ширли будет просто в восторге, когда узнает, — ты вышла замуж за шестидесятичетырехлетнего профессора колледжа? Больше ничего не хочешь мне рассказать? Ты ведь не беременна?

На долю секунды мне захотелось рассказать ей всю правду. Почему бы и нет? Вряд ли бы я смогла изменить ее мнение. Почему бы не пойти до конца и не рассказать ей эту скандальную историю полностью? Но в последний момент «Да, мама, я беременна» превратилось в «Нет, конечно, нет». Не потому, что мне было стыдно признаться, а потому, что я не хотела использовать своего неродившегося ребенка в качестве аргумента в ссоре с его бабушкой. Я бы рассказала ей, когда бы подошел срок. Черт возьми, я могла бы отправить ей еще одну открытку. Она бы оценила.

Возможно, идея с рассылкой новостей о бракосочетании людям — определенным людям — была не самой лучшей из моих идей. После этого звонка мы не общались с матерью полгода. Это предположение снова подтвердилось, когда я увидела разъяренного Теда на пороге своей квартиры.

* * *

Яйца бенедикт растеклись по тарелке желтым пятном, от тоста остались одни крошки, я пила уже третью чашку кофе без кофеина и два раза была в уборной. Я прочла все статьи в газете и поколдовала над кроссвордом. Я взглянула на часы. Если попросить чек, то к тому моменту, когда я расплачусь, пора будет ехать за Роджером. Я сложила газету и подозвала официанта.

* * *

После нашей свадьбы Роджер не стремился к общению с Тедом. Он надеялся, что ему сообщит Джоан, хотя ей он тоже ничего не сказал. О нашей свадьбе ей рассказала подруга, знакомый которой работал в Ратуше, в тот же день, когда мы запросили разрешение на заключение брака. Представляешь? Вот тебе и маленький городок. Джоан в тот же вечер позвонила мне и оставила крайне неприятное сообщение на автоответчике. Самое смешное – она решила, что я залетела от Роджера; она пыталась съязвить, но попала в самую точку. Нас это должно было разозлить – и Роджер немного взбесился, – но в итоге только рассмешило. Я считала, что нам не стоит отказываться от Теда, надо выйти с ним на связь. Я не могла ему позвонить, а Роджер бы не стал. Мне показалось, что будет вполне уместно отправить открытку. Понимаешь, он ведь был ребенком и Роджера, разве Джоан имела исключительное право на сына? Господи, если им удалось разобраться с домом, то и с сыном должно было получиться. Судя по тому, что Роджер мне рассказывал, Тед был смышленым парнем. Я была уверена, что он оценит мой жест.

Но я немного просчиталась.

* * *

Как только я приехала в Ратушу, меня сразу направили в здание суда. Через пятнадцать минут привели Роджера и Теда, а через десять минут появился судья. Отец и сын провели ночь в полицейском участке. Оба выглядели паршиво. Роджер был явно измотан и все еще в ярости. Как и Тед. Клянусь, если бы не копы, они бы снова вцепились друг в друга. После предъявления обвинения я встала и обратилась к судье – не той, которая нас женила; судья был мужчиной, его звали Брейс – и постаралась объяснить произошедшее таким образом, чтобы вся вина легла на меня. Я говорила, что с отцом Теда мы сошлись в довольно сложный период его жизни, и Тед, должно быть, это болезненно переживал. Когда мы поженились, я отправила Теду открытку с новостью в качестве жеста доброй воли. Однако, не имея никакого контекста для моего поступка, Тед воспринял его как оскорбление, и я, несомненно, должна была это предвидеть. Неудивительно, что его это разозлило. Что касается Роджера, то я ни словом не обмолвилась мужу о том, что послала его сыну от первого брака открытку, так что он никак не ожидал того, что к нам заявится Тед. Ситуация быстро вышла из-под контроля. Роджер среагировал на агрессию Теда, а там уже приехала полиция. Да, они вели себя безответственно и незрело, но все это одно большое недоразумение. Я так хорошо отыграла, что они отделались выговором «больше никогда так не делайте». Я всегда знала: из меня бы получился отличный адвокат.

Мы направлялись к машине, когда к нам подошел Тед. Не знаю, что он собирался сказать. Дружелюбия на его лице было мало, но на нем больше не отражалась всепоглощающая ярость. Он схватил Роджера за руку и сказал: «Погоди».

Роджер застыл на месте и холодным как лед голосом сказал: «Убери руку». Он сказал это... Его голос был другим, пугающим, и я остановилась как вкопанная. Клянусь, я никогда не слышала, чтобы он разговаривал таким тоном. Я никогда не слышала, чтобы кто-то так говорил. От произнесенных слов затрещал воздух. Тед отдернул руку. А Роджер продолжал ледяным голосом: «Молодой человек, всё лучшее, что должно было быть в тебе, стекло по ноге матери. Ты всегда был для меня большим разочарованием: начиная с неспособности прочитать даже простейшую книгу и снисхождения к своим прихотям подросткового возраста и заканчивая слепым подчинением авторитету, которое ты считаешь карьерой. Ты опозорил и опорочил нашу семью. Ты – ничто, всегда был и будешь. С этого момента я прекращаю быть

твоим отцом; ты больше не мой сын. Я отрекаюсь от тебя; я отказываюсь от тебя. Я разрываю все связывающие нас узы; мы больше не одной крови. Пусть душа твоя не знает покоя даже после смерти; пусть вечной будет твоя незавидная доля. Я тебя не знаю и знать не хочу. Всего хорошего, сэр». Роджер поковылял к машине, глядя прямо перед собой. Я и Тед стояли без движения. Я хотела было сказать Теду хоть что-нибудь, но прежде, чем успела начать, он прошел: «Как скажешь!» – и зашагал прочь.

Ситуация была нелепой – с нами будто сыграли плохую шутку. Разве можно отрекаться от своих детей? Если бы слова Роджера не были такими жестокими, если бы он не произнес эти слова леденящим душу голосом, я бы засмеялась. Он отрекся от Теда? Он что, возомнил себя Королем Лиром? Ей-богу. Но его голос... Стоя на стоянке за Ратушей, наблюдая за тем, как Роджер подошел к машине и оперся на нее рукой, пока Тед направлялся в сторону автобусной остановки, я осознала, что боюсь – не Роджера, а за него. А еще злюсь. Какой бы нелепой не была ситуация, нельзя говорить своему ребенку подобные вещи. Я впервые была по-настоящему зла на него. Мы ссорились до свадьбы – частенько и после нее, – но по пустякам. А это был не пустяк. Я метнулась к нему. Он открыл дверь машины, но все еще стоял, оперевшись рукой на крышу. Когда он повернулся, я увидела, что его лицо посерело и он тяжело дышал. Он сказал: «Дорогая, кажется, у меня инфаркт. Отвези меня, пожалуйста, в больницу».

Мой отец умер от инфаркта. Я знаю симптомы. Я предложила вызвать скорую, но Роджер отказался. «Не хочу, чтобы он видел». Представляешь? Теда нигде не было видно. Но его это не убедило. Он и слышать не хотел о скорой. С трудом подавляя панику, я отвезла Роджера в больницу в Пенроуз, выжимая почти двести в час. Мы пролетели мимо здания полиции на 229-м проспекте, но аккурат в нужный момент. Нас никто не заметил. А я в это время делала сто дел одновременно. Вдавливала педаль в пол, потому что в такой ситуации главный враг – это время. Держала обе руки на руле, устремив глаза на дорогу. Пыталась как можно быстрее обогнать едущие впереди машины. Следила за состоянием Роджера: он сидел, откинувшись на сиденье с закрытыми глазами и открытым ртом. Испугавшись, что он мертв, я позвала его: «Роджер? Ты меня слышишь?» Я была готова отпустить руль одной рукой и толкнуть его, но тут он ответил: «Я слышу тебя». Когда мы вылетели на мост, то только чудом не слетели с него.

Как оказалось, у Роджера действительно был инфаркт. А вдобавок три сломанных ребра, ушиб бедра и почки. Не говоря уже о синяках и порезах по всему телу. Инфаркт оказался не настолько тяжелым. Кардиолог сказал мне: «Сильнее, чем слабой, но меньше умеренной интенсивности». Роджер не хотел, чтобы кто-то прознал об этом. Пока мы сидели в приемном отделении, он взял меня за руку и сказал:

- Никому не рассказывай.
- Про тебя и Теда? Поздно.

– Нет, вот про это, – ответил он, постукивая пальцем по груди. Мне не нравится, когда так делают – стучат по грудной клетке. У меня от этого мурашки бегут по коже. Начинает казаться, что внутри человек пуст.

Хоть я и не понимала, что в этом страшного, я решила уважать желание Роджера. Когда я рассказывала о том, что он попал в больницу, люди считали, что вследствие драки – так, в сущности, и было. Думаешь, это совпадение, что он катался по полу и лупил кулаками Теда, и заодно получал в ответ, а потом его сердце сказали: «Извини, я так больше не могу»? Тогда я осталась с ним в больнице на ночь, а потом и на всю последующую неделю. Сначала его накачивали лекарствами, и я устроилась рядом с его кроватью, разглядывая багровые и сине-фиолетовые синяки на лице. Они были похожи на боевой раскрас. И даже если Роджер просто спал, выглядел он довольно свирепо. Я нуждалась в телесном контакте и держала его за руку, но потом, когда худшее было позади, я прокручивала в голове сказанные им Теду слова, которые про себя я уже окрестила проклятием Роджера. «Я отрекаюсь от тебя; я отказываюсь от тебя». Просто живот надорвешь, но мне было не до смеха. Он не мог сам такое выдумать, я уверена.

Это точно была цитата. Он часто так делал: цитировал Диккенса, или Браунинг, или еще кого, и не сознавался, что цитировал. Как будто говорил: «Смотри, какой я умный» – и, если ты не в силах назвать источник, то и: «Какой ты глупый». Я постоянно отпускала шпильки в его адрес по этому поводу. Первое время я из кожи вон лезла, чтобы угадать источник проклятия Роджера. Я много чего не читала у Диккенса, поэтому у Роджера был большой выбор страниц из объемных и широких чудовищных книг – да-да, у старого Чарльза есть довольно жестокие вещи. Ты читал «Крошку Доррит»? Там есть эпизод, где мать пытается запугать своего сына, чтобы он подчинился ее воле, и она грозится, что если он ее расстроит, то, когда она умрет, и он встанет перед ее трупом на колени, из трупа выступит кровь. Очень мило. Но на Диккенса такое проклятие было непохоже. Больше на Фолкнера: вся эта дребедень про семью, неоправданные ожидания и рок. Но я не могла вспомнить, что читал Роджер из Фолкнера. Он заявлял, что не брал в руки ни одну из его книг, написанную после 1914-го, но это он просто рисовался.

Как и все на кафедре английской литературы, верно? Всё есть текст или связано с ним. Вскоре игра «Найди, откуда проклятие» меня утомила. Не столь важно, откуда он стащил его. А важно то, что он наложил его на своего сына. Каждый раз, вспоминая выражение лица Роджера, когда он произносил эти слова, и его голос, я касалась своего живота. Да, я знала, что с нашим ребенком у Роджера будут совершенно другие отношения. С тех пор, как Тед вырос, Роджер изменился. Он стал старше, добродушней, а главное, счастливей. Наш брак был более благополучным, чем его первый; это уже тогда было очевидно. Нам было весело – уж поверь мне, в словаре Джоан такого слова нет. И для нас все было бы по-другому. Для всех троих. И все же эти слова: «С этого момента я прекращаю быть твоим отцом; ты больше не мой сын»...

* * *

Я так и не узнала, каким отцом Роджер стал бы для нашего ребенка. В ту первую ночь в больнице я проснулась от кошмарных спазмов. Я знала. Еще до того, как окончательно проснулась, я знала. Я попыталась встать и дотянуться до кнопки вызова медсестры, прикрепленной к одеялу Роджера, но боль сбила меня с ног. Я упала и осталась лежать на полу. Я не могла вздохнуть: меня сжимала гигантская рука. Всё, что я видела, – пол под кроватью Роджера. «Нет, – подумала тогда я. – *Нет-нет-нет-нет-нет*». Я закрыла глаза и начала сопротивляться тому, что со мной происходило. «Да», – сказало мое тело, и рука сжалась еще сильнее, вызвав новую волну спазмов. Я открыла глаза. По щекам струились слезы, из носа тоже текло. Днище кровати Роджера заколыхалось, а затем расплылось. Я снова закрыла глаза, и гигантская рука сдавила меня со страшной силой. «Господи, – подумала я. – Пожалуйста». Я чувствовала… Я чувствовала, как внутри меня что-то обрывается. Как что-то ускользает от меня. Ощущение было таким мерзким. Я открыла глаза…

И вместо кровати Роджера я смотрела на плоскую поверхность – на стену. Она была в десятке метров от меня, намного дальше, чем стены палаты. Светлую плитку пола сменил темный паркет. Не обращая внимания на боль, я повернула голову.

Кровать Роджера… Его палата исчезла. Я находилась в огромном пустом помещении, похожем на церковь. Нет, не церковь, не тот антураж. Представь дом, в котором нет комнат, нет коридоров – ничего, кроме наружных стен. А самое интересное, что даже в агонии, впивающейся зубами в мой живот, я узнала это место. Это был Дом. Дом Бельведера. Дом Роджера.

Пространство вокруг меня начало расплываться: из глаз хлынул новый поток слез. Дышать стало совсем невмоготу. Я моргнула. Я все еще была внутри Дома. Стены… Дверные проходы, которые я сперва приняла за столпившиеся у стены тени, словно решето пронизывали пространство вокруг. А внутри каждого проема…

Лицо. За порогом каждого дверного проема, заполняя всю его площадь, таилось огромное лицо. Десятки громадных лиц. Меня бросило в холодный пот; от усилившейся боли меня

начало потряхивать. Лица были идентичны: продолговатый нос с горбинкой, глубокие морщины вокруг губ и бровей и густые, давно не стриженные волосы. Полсотни живых портретов Роджера взирали на меня из пустоты Дома Бельведера. Их губы шевелились, и громкий шепот эхом разносился по помещению. В хоре шепота я могла различить отдельные фразы. «Ты – ничто, всегда был и будешь», «Это просто нелепо! Это возмутительно», «Чего ты хочешь?», «Пусть душа твоя не знает покоя даже после смерти; пусть вечной будет твоя незавидная доля», «Все. Бери все, что угодно».

Я теряла рассудок. Другого объяснения происходящего у меня не было. Сон не может быть таким отчетливым. Лица… С ними было что-то не так. На месте глаз одного зияли пустые глазницы. Кожа другого отслаивалась лоскутами, обнажая скрывающиеся под ней пластинки, похожие на чешую. Третий заговорил, и по подбородку изо рта начала струиться кровь. Я зажмурилась и повторяла про себя: «Господи. Господи». Боль взяла высокую ноту и растянула ее на несколько тактов. Я опустила голову на пол и больше не поворачивалась, переживая заключительную стадию процесса зажмурив глаза.

Когда дежурная медсестра обнаружила меня и позвала на помощь, он погиб. Ребенок, которого я только начала считать своим, погиб. Кто-то встремнул меня, раздался голос: «Вы меня слышите?» – и, открыв глаза, я увидела широкое, тревожно нахмуренное лицо женщины средних лет. Я вернулась в палату. Было много крови. Ее тяжелый запах стоял в воздухе, ею был покрыт пол, ею пропиталась моя одежда. Медсестры помогли мне привести себя в порядок и отыскали чей-то старый спортивный костюм. Они предлагали позвать врача – настойчиво советовали, – но я отказалась. Да, я осознавала, на какой риск они идут. Я уверила их, что с утра первым делом обращусь к своему гинекологу. А пока я не хотела оставлять мужа, но это была не вся правда. Все то время, пока я страдала на полу, Роджер спал. За его состоянием следили подключенные аппараты. За ним ухаживал целый этаж медсестер. Но я… Сама мысль о том, что доктор сообщит мне о выкидыше, была невыносима. Я знала, именно это случилось. Я знала, что больше не была беременна, но услышать это от доктора, услышать диагноз – это было слишком. Ни одна из медсестер не одобрила такого решения, и они заставили меня неоднократно пообещать, что на следующий день я обращусь к гинекологу.

Вторую ночь я снова провела, не сомкнув глаз, дрожа всем телом и отчаянно нуждаясь во сне, но мой мозг не мог отрешиться от пережитой потери. И от увиденного в процессе. Это… Я не знаю, что это было. Вероятно, галлюцинация – наиболее близкое слово, но не совсем то. Не знаю, какое может подойти. Я закрывала глаза и снова видела пустой Дом, дверные проемы, лица. Слышала слова Роджера: «Молодой человек, всё лучшее, что должно было быть в тебе, стекло по ноге матери». Я снова и снова проживала момент, когда мой ребенок покинул мое тело. Каждые полчаса то одна, то другая медсестра заглядывала в палату и, обнаружив, что я бодрствую, осведомлялась о самочувствии. Я не знала, что им ответить. По большей части я ощущала пустоту. Не беря в расчет слезы, выплаканные в процессе потери ребенка, я плакала на удивление не так уж и много. Я не успела привыкнуть к тому, что вынашиваю ребенка. То, что внутри меня зарождалось еще одно живое существо, казалось невероятным. Мне кажется, все становится по-другому, как только малыш начинает шевелиться. Я сидела рядом с Роджером и думала: «Сегодня он потерял двух детей».

Я ничего не рассказывала ему, пока мы не вернулись домой. Первые два дня, что он провел в Пенроуз, я боялась за его сердце. Доктор уверил, что состояние Роджера стабильно и все будет хорошо, но я не хотела испытывать судьбу, понимаешь? Я сдержала обещание, данное медсестрам, и на следующее утро пошла к своему гинекологу. В ответ на его сочувствие я разрыдалась прямо в кабинете. Он произнес целую речь о том, что все это, конечно, сложно, но в то же время, и к лучшему: природа пощадила жизнь, которой не суждено было начаться. Я кивнула головой, вытирая глаза и сморкаясь в платок, который он мне дал. Самое важное, как он сказал, это то, что я физически здоровы и должна за этим следить. Что мне стоит заботиться

о себе. Что депрессия и злость – нормальная реакция психики. Он дал мне визитку доктора Хокинс – психотерапевта, к которому он раньше направлял своих пациентов, – и заставил меня пообещать, что я обязательно позвоню ей, если пойму, что не справляюсь. Клянусь, в те дни я только и делала, что давала обещания. Я дала слово позвонить психотерапевту, если мое состояние ухудшится. Когда я вернулась в машину, чтобы поехать в больницу, у меня возникла странная мысль. Положив обе руки на руль и устремив взгляд на лобовое стекло, в котором я видела свое отражение – отражение женщины, которая была в процессе становления матерью, а теперь перестала, – я подумала: «Вот какова цена слов Роджера». На секунду эта мысль овладела мною – я была твердо уверена, что так оно и было, – и мне снова привиделось лицо Роджера, обрамленное дверным проемом, безглазое, с отслаивающейся кожей и струящейся изо рта кровью. Но через секунду мысль исчезла. Встряхнув головой, я завела машину и направилась в больницу.

* * *

Роджер быстро шел на поправку. Так быстро, что я могла бы сразу сказать ему о выкидыше. Он, как мне казалось, достаточно окреп, но больница была не самым подходящим местом. Роджер чуял, что я что-то от него скрываю. Он постоянно спрашивал, что случилось. Ничего, отвечала я, просто немного устал. «Не изматывай себя, – сказал он в предпоследний день в больнице, – подумай о ребенке». У меня получилось выдавить улыбку.

В тот день, когда мы вернулись домой, я все ему рассказала. Ему прописали постельный режим еще на неделю, и из-за этого он сердился. «Я и так провел неделю в постели», – пожаловался он кардиологу, который велел ему соблюдать рекомендации, или, в противном случае, они увидятся гораздо раньше, чем хотелось бы. Инфаркт заставил Роджера поволноваться. Сначала кажется, что это может случиться с кем угодно в любом возрасте, и это правда – так убеждал себя Роджер после того, как попал в больницу. Конечно, инфаркт может случиться и в тридцать лет, но как мы на это реагируем? Удивляемся. Говорим: «Ничего себе, какой молодой, а уже инфаркт». Потому что проблемы с сердцем свойственны старости. Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-нибудь говорил «Стукнуло пятьдесят? Готовься к инфаркту!»? Всю неделю в больнице Роджер повторял: «Неужели у меня был инфаркт?» На третий или четвертый раз я поняла, что этим он хотел сказать: «Неужели я так стар?» Я переубеждала его, говоря, что, да, непонятно, как такое могло случиться с вполне здоровым человеком. Про себя я, конечно, припоминала его пристрастие к сырому, сливочным соусам и мороженому.

Мы вернулись домой с рекомендациями по питанию, и я уложила Роджера в постель с ежеквартальным журналом по Диккенсу. После масштабных баталий Теда и Роджера квартира все еще стояла в руинах. За день до возвращения я приехала, чтобы хоть немного прибраться, но везде царил хаос: повсюду разбросанные книги, осколки стекла на ковре, пятна крови на полу. Выудив из-под раковины моющие средства, я опустилась на четвереньки и начала драить полы. Уборка – это своего рода терапия, по крайней мере для меня. Из спальни донесся голос Роджера:

- Дорогая? Что ты там делаешь?
- Убираюсь, – ответила я.

– Ты думаешь, это хорошая идея? – спросил Роджер. – Особенно в твоем положении?

В моем положении. Мое положение уже не было положением; я была в положении отсутствия. Я поднялась и направилась к Роджеру, который лежал на кровати в очках с полуободковой оправой и с подложенными под голову подушками. На нем была старая футболка с какого-то форума с выцветшим портретом Диккенса. Не снимая желтых резиновых перчаток, которые я натянула, и держа в руке губку, я присела на край кровати и произнесла:

- Роджер, я потеряла ребенка. Прости меня.

– Ох, милая, – сказал он, уронив журнал, и потянулся ко мне. Я упала в его объятия. – Когда?

– Когда ты лежал в больнице.

Я почувствовала, как он кивнул. Я ждала, что он спросит, почему я не рассказала ему раньше, но не хотела отвечать. Он не спросил, а просто продолжал меня обнимать. Я думала, что как только произнесу эти слова, то сразу зарыдаю, но не проронила ни слезинки. Я ощутила облегчение. Облегчение и покой. Роджер всхлипнул, а потом вдруг заплакал. Все закончилось тем, что я утешала его, говоря «все хорошо», повторяя слова доктора о жизни, которой не суждено было начаться. Даже если и не верила им – если все еще связывала выкидыш с проклятием Роджера, – я никак этого не выдала. Я старалась об этом не думать.

В одночасье все изменилось. Не коренным образом. В наши жизни… В нашу жизнь прокрались печаль. До того, как Тед забаранил в дверь, трудности случались, иногда большие трудности, но что бы ни происходило – будь то предательство старых друзей Роджера, или звонки Джоан каждую ночь, или ее появление на пороге нашей квартиры или отеля, в котором мы надеялись от нее укрыться – о, да, она была сумасшедшей, – нам было плевать; если она и приходила, она была там, снаружи. Пускай делала бы все, что ей заблагорассудится, пускай говорила, что хотела, но она никогда бы не смогла встать между мной и Роджером. Я уверена, она это понимала, и это приводило ее в бешенство. Но этой цепи событий – отречение Роджера от Теда, его инфаркт, и особенно потеря ребенка – удалось добиться того, чего не смогла Джоан. Она проскользнула в то общее, что мы выстроили вместе, но не разрушила его, нет, а словно бросила на все тень. Ничего не приносило радость, как раньше. Звучит так, будто я начала пить, а Роджер перестал ночевать дома, или же мы начали постоянно ругаться, но все было совсем не так. Дьявол в деталях. Мы просыпались и завтракали в разное время. Мы перестали вместе читать воскресный выпуск «Таймс». Во время ужина мы смотрели телевизор. Вряд ли что-то могло вызвать беспокойство. Нам не грозило повторить судьбу Роджера с Джоан. Наша жизнь изменилась, вот и все.

И как бы я ни боролась, но время от времени снова слышала голос Роджера и слова проклятия. Когда пересекала Гудзон по пути на занятия в Пенроуз; когда стояла в отделе фруктов в супермаркете, сравнивая, какие яблоки – красные или желтые – посвежее; или же когда шла от почтового ящика к дому, сортируя пришедшую за день пачку счетов и реклам, этот леденящий душу голос заставал меня врасплох. «Ты опозорил и опорочил нашу семью», «Я разрываю все связывающие нас узы; мы больше не одной крови». И то место, которое я увидела в ночь, когда потеряла ребенка – другой Дом Бельведера, – представлял взору: все эти дверные проемы, лица… А потом они исчезали: звуки, видения. И я снова вела машину, стояла с тележкой, держала в руках пачку конвертов. Вероятно, мне стоило поговорить об этом с Роджером. Нет, забудь: мне определенно надо было с ним поговорить. Но тогда… Друг с другом мы ни словом не обмолвились об отречении Теда. Сердечный приступ Роджера и сопутствующее ему состояние не оставляли места для разговора, а когда мы снова были дома, то темой обсуждений стал выкидыш, и чем больше времени проходило со случая на парковке, тем тяжелее было завести беседу. Я надеялась, что все сказанное Роджер объяснит тем, что погорячился; что касается увиденного мною – я и думать не хотела, как это скажется на моем психическом состоянии.

* * *

Сложно поверить, но Земля продолжала крутиться. Когда я только поступила в магистратуру, экономика была стабильной. Мы подходили к концу эпохи интернет-бума. К тому времени, как Роджер и Джоан подписали документы о разводе, экономика рухнула, и выборы 2000-х затянулись из-за пересчета голосов. Роджер терпеть не мог Буша. Даже в разгар бракоразводного процесса он не упускал возможности упомянуть, каким тот был идиотом. Он

все говорил: «Если нам нужен президент-республиканец, то почему, черт возьми, им не может стать Маккейн, а не этот трескучий болван?» Я голосовала за Найдера. Но все это – политика, экономика, мировые события – происходило на заднем плане, понимаешь? Разумеется, нас взволновали бомбардировка эсминца «Коул», начало экономического кризиса, но ничто из этого не шло в сравнение с тем, что мы переживали – плохое или хорошее. Ничто не казалось настоящим.

Стоит ли говорить, что все изменилось одиннадцатого сентября? Не считая репортажей по телевизору, тот день мне отчетливо запомнился тем, что я отчаянно пыталась связаться с Тедом. Нас атаковали. Самолеты врезались в здания. Никто не знал, сколько еще могло быть атак и что могло стать очередной целью. Могло случиться что угодно. В такой ситуации вполне закономерно, что тот, кто все это организовал, первым делом нацелился бы на военные базы. Но дело в том, что у нас больше не было номера Теда. Роджер выдернул его из записных книжек после возвращения из больницы. Я пыталась набрать справочную, но не могла дозвониться. Роджер был на занятиях. Я набрала Джоан – понимаешь степень моего отчаяния? – занято. Она ведь жила на Манхэттене, помнишь? Не в самом центре, но кто знает. Не иначе как вся семья пыталась до нее дозвониться. Я была в отчаянии, измеряла шагами квартиру, слушая один сигнал «занято» за другим. И решила, что, как только Роджер вернется домой, я спрошу номер у него. У него была отличная память на цифры, и как бы он ни старался стереть из памяти номер Теда, я знала, что если я надавлю, то он его вспомнит.

За десять минут до того, как Роджер, вбежав в квартиру, произнес «Господи, дорогая, ты слышала?», я снова попыталась набрать справочную и дозвонилась. Оператор на удивление спокойным голосом осведомилась, какой номер мне нужен. Я ответила ей. Она назвала мне нужные цифры и пожелала хорошего дня. Невероятно. Набрав номер Теда, я стала ждать. Я была уверена, что линия будет занята, если вообще будет работать. Но она работала. Спустя вечность раздались гудки. Они продолжались и продолжались. Я начала сомневаться в правильности набранного номера; гадала, будут ли идти гудки даже после того, как телефон на другом конце будет уничтожен. Я прождала пятьдесят или шестьдесят, а то и семьдесят гудков. И уже было думала повесить трубку и снова набрать номер, но побоялась, что во второй раз не смогу дозвониться. Надеялась, что, если я не отсоединюсь, кто-нибудь возьмет трубку и скажет мне, что Тед в порядке. Все это время в телевизоре за моей спиной показывали горящие башни-близнецы, горящее здание Пентагона и черные столбы дыма, вздымающиеся в небо. Слышино было, как один за другим дикторы повторяли: неизвестно, кто стоит за этим, неизвестны масштабы операции.

Наконец трубку сняли и я услышала голос Теда:

– Алло?

Облегчение накрыло меня с головой так быстро, что я не успела его прочувствовать. Я почти закричала:

– Тед! Это Вероника. Жена твоего... Жена Роджера. С тобой все хорошо?

Ответа не последовало.

– Тед? – повторила я. – Ты меня слышишь?

Он повесил трубку.

Когда я перезвонила, номер был занят. Неудивительно, что он повесил трубку. Правда, я надеялась, что, может, где-то порвались провода и нас попросту разъединило. Но нет, я знала, это было его решение. По крайней мере, я услышала его голос. Я положила трубку, и мгновением позже в квартиру ворвался взволнованный Роджер. Тогда я не рассказала о звонке. Мне казалось, что стоит подождать, пока он сам не заговорит о Теде. Он не знал. Остаток дня мы провели, приклеившись к телевизору, на экране которого снова и снова крутили страшные картины. Репортеры, ведущие, аналитики – все они упрямо твердили, что случившееся нево-

образимо. Нет, подумала я, такое можно только вообразить. Но подобное должно оставаться надежно запертым на страницах романа Тома Клэнси.

Роджер ни разу не упоминал Теда. Или Джоан, раз уж на то пошло. Прозвучит странно, но одиннадцатого сентября я осознала, что мой муж окончательно отрезал себя от прошлой жизни. К моему разочарованию, он даже не предложил позвонить Теду. И, если уж совсем начистоту, я немного расстроилась из-за того, что он даже не позвонил Джоан. Она, несомненно, тот еще тиран, но в такой день надо посыпать к черту все разногласия и, по крайней мере, элементарно проверять, не случилось ли чего друг с другом. Я могла бы проговориться о том, что пыталась связаться с ними обоими, но чем дольше Роджер хранил на эту тему молчание, тем больше мои попытки представлялись не к месту.

Ты помнишь, как все было после теракта? Поскольку я писала статью о Готорне, мне пришлось перечитать парочку его произведений, и я принялась уже чуть ли не в двадцатый раз за «Дом о семи фронтонах». Утром одиннадцатого числа я успела прочитать несколько страниц, когда затрезвонил телефон, и моя подруга, Алиша, сказала включить телевизор: в башни Всемирного торгового центра врезался самолет. Я отложила книгу и до конца дня так к ней снова и не притронулась. Позже – думаю, где-то на следующее утро – я заметила, что она так и лежит там, где я ее оставила. Я продолжила с того места, где остановилась; там, где Мол накладывает проклятие на судью Пинчена: «Бог напоит его моей кровью!» Но продолжить была не в состоянии. Слова на страницах никак не укладывались в голове. Я постоянно возвращалась к этому заявлению. «Бог напоит его моей кровью!» В конечном счете, я отправила Готорна обратно на полку и занялась уборкой. Закончив, усталая и вспотевшая, я не почувствовала облегчения, зато нашла способ убить время. В течение следующей недели я драила квартиру каждый день, иногда по два раза. Начищала все серванты и их содержимое. Переставляла мебель в гостиной. Когда я слышала слова Роджера – «Я отрекаюсь от тебя; я отказываюсь от тебя», – когда мне снова мерещился шепчуший Дом, я запрещала себе обращать на это внимание и принималась толкать диван. Я откручивала светильники и замачивала их в кухонной раковине, чтобы отмыть слои накопившейся грязи. Я переставляла мебель в спальню. Когда перед глазами вставала фраза «Бог напоит его моей кровью!», я игнорировала ее и тянула на себя кровать. Я выбрасывала вещи из шкафов, сортировала одежду Роджера в две кучи: одну сложить обратно, другую отнести в благотворительный фонд. Роджер наблюдал за моими занятиями, но помалкивал. Его реакция на кризисную ситуацию была другой: он целиком и полностью сосредоточился на своих занятиях. Часами сидел за кухонным столом с распечатками ключевых отрывков из книг, которые разбирал со студентами, испытывал их комментариями и заметками ручками разных цветов. У каждого мотива был свой цвет. После того, как он откладывал листок, тот был похож на что-то среднее между географической картой и картиной современного художника.

И вот как-то на той первой неделе – почему-то кажется, что в пятницу, – я поехала в город за материалами для уборки. На обратном пути на Мейн-стрит случилась авария, и полицейский отправил меня на обездную дорогу, которая вела на Фаундерс-стрит, мимо Дома Бельведера. Знаешь, на тот момент я не видела его уже много месяцев. Ну, вживую. Ни один из моих повседневных маршрутов не включал в себя Фаундерс-стрит, а отклоняться от маршрута я не любила. Но тогда слева от меня проплыval этот домина, восседавший посреди лужайки, словно... Не знаю, с чем сравнить. Я знала: он не пустой. Я была внутри, я была внутри с Роджером. Это был лабиринт, набитый мебелью и внутренней отделкой. По сравнению с этим домом все казалось пустым. И все же, когда по окнам Дома пробежал отблеск, я была абсолютно уверена, что стоит мне припарковаться, пересечь лужайку, открыть дверь и войти внутрь, и меня встретит полое пространство, окруженное лишь стенами и потолком. Я проехала мимо.

* * *

Еще задолго до того, как это случилось, я предчувствовала, что, как только мы вступим в войну – поскольку мне сразу стало ясно, что мы не собираемся стоять в стороне; вопрос был только в том, где и когда, – у меня было предчувствие, то есть твердое убеждение, что Теда отправят на фронт. Я не совсем понимала, чем занимается Тед в армии. Я знала, что он сержант в Силах специального назначения, но не разбиралась в подробностях. Как-то раз я поинтересовалась у Роджера, что конкретно делает Тед. Он сказал: «Его отряд проводит секретные операции» – но я и понятия не имела, что это значит. Я продолжила расспросы, полюбопытствовав, что за «секретные операции», и он ответил: «Инфильтрация, разведка, диверсия, ликвидация и тому подобное». Я не знала, насколько точно мне все описал Роджер, – позже оказалось, что он, в целом, все правильно сказал, – но понимала, что после такой длительной службы в армии Тед был одним из опытнейших бойцов, а значит, будет одним из первых засланных на фронт.

Я не ошиблась. Среди первых солдат, ступивших на афганскую землю, было подразделение Теда. Точно не скажу, что он делал в первое время. Знаю только, что находился в самом пекле. По крайней мере, так сказал мне его лучший друг. Да, я общалась с лучшим другом Теда, его зовут Джин Ортиз. Хотя, как он мне сказал, все зовут его Дятлом. Я связалась с ним после исчезновения Роджера, когда старалась найти объяснение всему, что произошло. Мне надо было кое-что узнать о Теде, о его службе в Афганистане, поэтому я, проведя небольшое расследование, выяснила, кто был командиром его подразделения, и позвонила ему. Когда он узнал, что ему позвонила мачеха Теда, он сделал все возможное, чтобы мне посодействовать. Разумеется, потому, что он не мог увидеть меня вживую и подумать: «И это мачеха Теда Крайдона?» Я боялась, что он сочтет мою просьбу поговорить с сослуживцами Теда дикой, но он ответил, что все понимает. По словам командира подразделения, специалист Ортиз с моим пасынком были не разлей вода и потому будет рад предоставить любую информацию, которая мне может понадобиться. «И, миссис Крайдон, – добавил он, – хочу от себя и от лица всего подразделения выразить соболезнования по поводу смерти Теда. Ваш пасынок был образцовым солдатом. Кажется, не было никого, кто не проникся к нему уважением. Для меня была большая честь и удовольствие служить с таким человеком». Я поблагодарила его. Было приятно слышать эти слова. Командир подразделения добавил, что передаст специалисту Ортизу, чтобы тот ждал моего звонка и оказал содействие по любым вопросам.

Я не ожидала, что буду нервничать перед звонком. Руки так сильно тряслись, что мне пришлось четыре раза перенабирать номер. Тогда я не знала, сколько всего рассказал Тед своему лучшему другу, но вряд ли его рассказы были лестными. По словам Джина, так и было; он, однако, сообщил только то, что Тед был очень, очень зол на меня. «Почти так же, как и на своего старика», – добавил он. К счастью, для Джина это не имело никакого значения. Он был признателен за то, что я хочу больше узнать о жизни Теда. Мы болтали добрую пару часов: о Теде, о том, каким он был, его безумных выходках, о том, как они с Джином стали друзьями. Джин неохотно говорил об Афганистане. Их подразделение заслали вперед основного наступления, чтобы, как он выразился, «подготовиться к тусовке». «Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар, Тора-Бора, да где угодно – мы были первыми. Мы выполняли свой долг, и я горжусь своей работой; в то же время я счастлив вернуться домой. И мне жаль, что ТиДи не вернулся со мной». Так они его звали: ТиДи.

После долгих уговоров мне удалось убедить Джина рассказать о последнем дозоре Теда. Он продолжал повторять: «Не думаю, что вам захочется это услышать» – а я настаивала: «Нет, хочу». Они были в Кабуле. Их отправили проверить донесение о сопротивлении бойцов «Талибана». Воздух просто гудел от всевозможных сумасшедших доносов, но бен Ладен и Мухаммед Омар, да и вся остальная масса талибов все еще шныряли по округе, так что военные воспри-

нимали любую информацию всерьез. Стояла поздняя ночь, полная луна ярко светила на небе. Патруль подошел к месту, которое во всех предыдущих донесениях описывалось как тихий район. Они двигались по улице, которая, как и десяток других улиц и переулков, выходила на площадь. После ее быстрого осмотра они решили, что можно продолжать двигаться дальше. Выйдя на середину площади, они услышали громкий вой. В тот же миг они нацелили оружие на его источник: размахивающего руками старика, выбежавшего из одного из переулков. Тед выругался и двинулся ему навстречу.

Тогда-то на них и напали из засады. Джин помнил, что услышал свист, а затем противотанковая граната ударила аккурат в то место, где стоял Тед со стариком. «Так и погиб ТиДи, — закончил Джин. — И старик вместе с ним. Если вам от этого будет легче, то он ничего не успел понять». Следующие пятнадцать минут члены подразделения вели яростную перестрелку с нападающими, пока не ликвидировали всех до единого.

— Всех? — уточнила я.

— Да, мэм, — ответил он.

— И слава богу, — сказала я совершенно искренне. Никогда не думала, что произнесу подобное.

О смерти Теда мы впервые услышали от Джоан. На этот раз на занятиях была я — у меня было несколько сдвоенных занятий по введению в английскую литературу в Пенроуз, — а Роджер находился дома. Он ничего не говорил мне целых двадцать четыре часа. Я видела, что с ним что-то не так. Он молчал, а это всегда плохой знак. Я спросила о его самочувствии. «Замечательно, — сказал он, — я чувствую себя замечательно». Я не стала давить: согласись, бывает же, что хочется иногда помолчать. В любом случае, тогда мне еще надо было проверить работы студентов.

Вечером, на следующий день — мы решили заказать китайскую кухню — я ела холодную лапшу с кунжутом. Я бросила взгляд на Роджера, который за весь день не проронил почти ни слова, и увидела слезы, струящиеся по щекам. Он не издавал ни звука. Просто сидел, ел цыпленка с горохом и заливался слезами. Кажется, он плакал уже какое-то время, поскольку на рубашке виднелись два темных пятна — в тот вечер на нем была джинсовая рубашка, которую я ему купила. Я потянулась через стол и положила руку ему на плечо. Он продолжал есть; слезы капали из его глаз. Я спросила:

— Роджер, дорогой, что такое?

— Тед, — произнес он. По интонации, с которой он произнес его имя, я все поняла. Я знала: Тед мертв.

Я сказала:

— Роджер. О, Роджер.

— Джоан позвонила и сказала мне, — продолжал он. — Сказала, что он патрулировал местность и попал в засаду. Больше она ничего не знает. Больше ей никто ничего не говорит.

— Дорогой, — сказала я. — Мне очень, очень жаль.

— Вот и все, — всхлипнул Роджер. — Моего малыша больше нет.

Тогда не стало и Роджера. Конечно, не в тот самый момент, но, если бы меня спросили, когда он ступил на тропу саморазрушения, я бы выбрала именно этот. Правда, он был не единственным. Взять хотя бы то, как повлияло на него возвращение в Дом Бельведера.

К такому решению он пришел сам. Если бы мы вместе сели и обсудили этот вопрос, я бы сказала, что не против съехать с квартиры — такая крошечная, и с каждым днем она будто все уменьшается — и давай уже, ради бога, уедем куда-нибудь. Не знаю, помогло бы нам, если бы мы собрали вещи и переехали в совершенно другое место. В другой штат. Роджера, вне всякого сомнения, с легкостью бы взяли в Бостонский колледж или Коннектикутский университет. Такой переход тянул за собой еще ряд проблем, но какими бы они ни были, вряд ли могли быть хуже тех, которые поджидали нас в коридорах Дома.

Роджер держался. Точнее, хорошо держался первые несколько дней. Он был в шоке. И я тоже, но с одним отличием. То, что чувствовала я, было похоже на чувства, которые испытывают люди, когда умирает кто-то известный и далекий. Как будто я проснулась и узнала, что Курт Cobain застрелился. В голове не укладывалось. Это же тот парень, чья музыка для меня так много значила. Он будто написал саундтрек к моей жизни, понимаешь? А потом приставил ружье к своей голове. Потеря? Бессспорно, но теряешь лишь придуманный тобою образ человека, которого ни разу не встречала. Зная о последней встрече Роджера и Теда ты, наверное, думаешь, что Роджер был опечален и расстроен, но чувства эти были несущественными. Внешне казалось, что он в значительной мере дистанцировался от Теда. Но это было притворством. Что бы плохого между ними ни случилось, у него всегда оставались хорошие воспоминания. Даже после последней, отвратительной стычки я, заходя к нему в кабинет в колледже, замечала, как он спешно отводит глаза от фотографии Теда в бейсбольной форме, которую он так и не снял с книжного шкафа. Кто знает? Может, Роджер всего лишь размышлял, каким паршивцем вырос Тед. Суть в том, что ему не удалось разобщить себя с сыном, как бы он ни пытался. И это вселяло в меня надежду на то, что, возможно, однажды они с Тедом помирятся. Но это также значило, что никто и не подозревал, через что ему пришлось пройти и какие чувства взбушевались в его душе и унесли его за собой.

Именно так представляю себе перемены, произошедшие в Роджере: скорбь, вызванная смертью Теда, уносила его все дальше от меня. Словно мы стояли на плавучей льдине, которая постепенно разрушалась, и с каждым днем он уплывал все дальше. Первое время он много плакал. Мы оба плакали. Никогда не видела, чтобы мужчина так сильно или много плакал. Он совсем не спал. Ночи мы проводили на диване, щелкая каналы, или же Роджер отправлялся на свои бесконечные прогулки до самого рассвета. Я ждала его, едва сдерживая рвущееся наружу волнение и жалея, что не пошла вместе с ним. Я не могла понять, куда он ходил.

Теперь-то я уверена, что пунктом назначения был Дом Бельведера – место, где они с Тедом были счастливы. Я так и вижу, как он стоит на краю лужайки в серой толстовке и штанах – его ночное одеяние независимо от того, спал он в нем или нет. Он тяжело дышит. Его глаза широко раскрыты. Он с такой точностью воспроизводит в памяти то, как перебрасывался с Тедом мячом, что почти видит эту картину перед собой, видит летящее в воздухе белое пятно мяча. А вот тут, на земле, он нашел скорчившегося от боли Теда, когда тот сломал руку, свалившись с крыши. А вот дерево, на котором все еще можно найти черный отпечаток на том месте, куда Тед, тогда еще подросток, напившись разбавленного вина, влетел на «мерседес» Джоан. Роджер бросает взгляд на каменные стены Дома и будто видит за ними привычный интерьер: дверной косяк кухни, на котором зарубками отмечал рост Теда; перила лестниц, по которым Тед радостно скользил вниз, не обращая внимания на ругань Джоан; комната Теда... Точнее, комнаты, потому что, как только ему исполнилось двенадцать, он выпросил у родителей комнату на третьем этаже. Вот Роджер карабкается по узкой лестнице, что соединяет второй и третий этажи. Вот он стоит на пороге комнаты Теда, разглядывая плакаты с игроками «Янкис» во время игры, которыми увешаны все стены, аккуратно сложенные на столе оксфордские издания Диккенса – подарок Роджера, – и незаправленную постель. Вот он направляется к кровати и укладывается на нее. Морщит нос от резкого запаха дезодоранта «Олд Спайл», который Тед начал использовать вслед за своими любимыми игроками, но различает мягкий аромат мыла и кожи Теда. Он предается фантазиям, находясь внутри и, в то же время, снаружи; он спокоен и почти счастлив, но тут мимо пролетает машина и возвращает его к самому себе и к его горю.

* * *

Он возвращался за час до рассвета, и слова били из него фонтаном. Я стояла и вглядывалась в кухонное окно, гадая, куда он ушел, пока во дворе не загорались огни, возвещая о его

возвращении. Или же спала за кухонным столом, и скрип входной двери будил меня. Роджер едва дополз до дивана: лицо его блестело от пота, а грудь тяжело вздымалась. Воспоминания об инфаркте были еще живы в памяти, и я мысленно возвращалась в тот день, когда он откинул голову на подголовник, пока я неслась по 299-му шоссе. Его кроссовки и кромка штанов были насекомые мокрыми от росы. Я наливал ему стакан воды и, чтобы он не слег с простудой, заставляла завернуться в полотенце. Он валился на диван, прижимая стакан ко лбу, и говорил: «Я не рассказывал тебе о своем отце?»

Я отрицательно качала головой. Не считая самой общей информации – отец, мать, младший брат и сестра, каждого из которых преследовали болезни и несчастья, – я ничего не знала о его семье. Он никогда о ней не рассказывал. Когда мы встретились, большая часть жизни Роджера уже пролетела, и все связанное с его семьей казалось далеким и незначительным.

Роджер осушал стакан и, поблагодарив, отдавал его мне. Как только я собиралась отнести стакан на кухню, он начинал свой рассказ.

– Мой отец был алкоголиком. Но там, где я рос, этот термин был не в ходу. Если человек любил накатить лишнего, то либо он был заядлым пьяницей, променявшим жизнь на алкоголь и постоянно выставлявшим себя на потеху публике, либо с залитыми нездоровым румянцем щеками и шумным дыханием заявлял, что это не твое собачье дело. Так вот мой отец был алкоголиком из сорта «не твое собачье дело», но это звание никак не шло вразрез с тем фактом, что он также являлся владельцем сети городских магазинов розничной торговли и дюжины жилых домов. Да, любимая, Джоан не единственная, кто вырос в достатке. Отец не выпускал бутылку из рук, но никогда не позволял своему пристрастию препятствовать исполнению деловых обязательств, так что это было его сугубо личное дело. И то, что он навеселе избивал моего брата, сестру и меня, было нашим и только нашим личным делом.

Я знал, что если он был пьян, то скоро кто-то да заработает. В каком-то смысле он был приятно предсказуем. С, так сказать, постоянной скоростью он потягивал спиртное в течение долгого рабочего дня – уходил, когда еще не было семи, и возвращался к ужину в шесть, – а во время еды происходил резкий всплеск активности, и к тому времени как мать приносила десерт, он успевал опрокинуть еще два-три стакана виски. И тогда что-нибудь случалось: однажды я уронил со стола его десерт; другой раз Рик, мой брат, шаркнул стулом по полу; или моя сестра, Элизабет, слишком сильно засмеялась и разбрзгала молоко по всему столу. Если нарушителю спокойствия не посчастливилось сидеть в непосредственной близости от отца, то его тяжелая рука вздымалась и лупила по всему, до чего могла дотянуться: по челюсти, щеке, уху. Он и не думал смягчать удары. Если же мы сидели за пределами его досягаемости, он отталкивался от стола – мы знали. В ту самую секунду, как слышали скрип его стула, мы знали, что нас ожидает. Он поднимался на ноги, и не дай Бог кто-то выпускал смешок, завидев, как он, теряя равновесие, хватается за стол. Еще не успев подняться, он начинал вещать. «Сын» или «Дочь, – говорил он, – посмотри, что, во имя Всемогущего Господа Бога и доброго и милосердного Иеговы, ты натворил!»

Понимаешь ли, он намеревался стать священником. Это было его тайным желанием, детской мечтой, раздавленной его же отцом, который довольно недвусмысленно растолковал, какое будущее уготовлено единственному сыну богатейшего человека города. Рабочие обязательства отца не позволили ему стать диаконом, чему, как мне кажется, церковь была только рада, но каждую воскресную службу мы сидели в первом ряду, а путь домой неизменно проходил под отцовскую ругань: он в пух и прах громил дневную проповедь и предлагал вместо нее свою собственную. Надо отдать ему должное, Библию он знал как свои пять пальцев. Однако имел склонность пускать свои знания в ход в виде ряда вопросов к тому из нас, на кого готовился обрушить свои кулаки. Четвертая заповедь... Он был одержим идеей почтения своего отца и своей матери. Что бы мы ни совершали, или что бы мы, как он считал, ни натворили, – все всегда сводилось к ней. Видишь ли, его руками Бог вершил правосудие.

– А твоя мать? Когда он над вами измывался, где была она?

– Она не вмешивалась. Убирала со стола. Мыла посуду. Они давным-давно заключили перемирие: на нее он руку не поднимал. До семилетнего возраста мы находились под ее защитой, правда, если совершали что-то абсолютно безобразное, то, в таком случае, она лично вручала нас отцу. Однако же как только мы достигали сознательного возраста, то целиком и полностью начинали принадлежать ему. Это было ужасно. Настолько ужасно, насколько ты можешь себе представить, а иногда и хуже.

Роджер поднимал руку и касался переносицы.

– Ты когда-нибудь задумывалась, откуда у меня этот шрам?

И как с этим справиться? Как справиться с болью, с полвека гноящейся на дне души? Пять дней, каждое утро я слушала вариации одной и той же истории: отец поставил Элизабет синяк под глазом за то, что та на него не так посмотрела; Рик лишился переднего зуба за нарушение, которое Роджер все еще затруднялся назвать; Роджер сбежал из дома, в надежде избежать очередной взбучки, на что отец в назидание позвонил в полицию, и за нахальство Роджера на ночь упекли за решетку, а по возвращении домой его ждали побои. Детство и юность Роджера все четче вырисовывались передо мной, словно на туманное прошлое навели объектив камеры. Не знаю, случалось ли тебе слышать подобное от кого-нибудь, но когда ты слышишь такого рода истории, то начинаешь по-новому смотреть на людей. Роджер продолжал свой рассказ до тех пор, пока квартиру не заливало зарей, и только тогда поддавался моим уговорам и шел в постель. Я ложилась рядом, прислушиваясь к тому, как менялось его дыхание, и когда оно становилось глубже, размеренней, я тоже, как могла, пыталась провалиться в забытье.

* * *

После недельного перерыва Роджер решил вернуться к занятиям. Я пыталась его отговорить. Вместо того чтобы разбирать со студентами «Большие надежды», ему следовало сходить к психотерапевту. «В услугах психотерапевта нуждаются люди, которые не понимают, что с ними происходит, – отвечал он. – А я прекрасно понимаю, что происходит со мной. Мой сын мертв, и я скорблю о нем. Сейчас мне необходимо отвлечься, пока я, говоря словами Фрейда, занят „работой скорби“». Я не стала продолжать спор и пытаться доказать, что дело тут не в горе. Да, он скорбел, но помимо этого испытывал муки совести. Последнее, что услышал его сын, – это то, что он – ничто, и у него больше нет отца.

И когда начали поступать жалобы – о том, что Роджер был не готов к занятиям, что начинал разбирать «Холодный дом» вместо «Крошки Доррит»; что читал одну и ту же лекцию три занятия подряд; что вовсе не появлялся в аудитории, а сидел в своем кабинете, пытаясь разобраться с книгой, по которой вел курс уже как тридцать пять лет; или же затихал, подолгу замирая на одном месте перед студентами, – я была совсем не удивлена. Хотя нет, я соврала. Я была поражена масштабом его кризиса. Я предвидела, что при выполнении своих обязанностей он столкнется с определенными трудностями: он попросту не мог продолжать преподавать как ни в чем не бывало. Даже в самый незадавшийся день Роджер был все еще лучше, чем девяносто пять процентов преподавателей нашей кафедры, поэтому я посчитала, что ему не повредит небольшая порция неудач, особенно если бы она помогла ему в долгосрочной перспективе. Знаешь, многие, сталкиваясь с трудностями, оставляют переживания дома, за закрытыми дверями, и как только оказываются вовне, на работе, берут себя в руки. С Роджером было все наоборот. Он сдерживался со мной и разваливался на части на глазах у студентов.

Как раз в то время мы решили справить поминальную службу по Теду. Моя идея. Джоан уже провела одну в городе, но мы не хотели ехать. Понятно, что для нее это был еще один шанс самоутвердиться и разыграть из себя скорбящую и преданную мать на фоне Роджера – отца, который потратил последнюю встречу со своим сыном на склоне. Черта с два. Роджер и так уже

многое пережил, я бы не позволила ему пройти еще и через это. Бог его знает, что бы обо мне тогда подумали. Но Джоан не настаивала. Уверена, она была только рада, что окажется в центре внимания. И поскольку мы не присутствовали на службе, мы устроили свою собственную. Мне казалось, это поможет Роджеру примириться с потерей Теда. Поначалу Роджер принимал активное участие. В субботу мы наведались на кладбище в Вестчестере, где был захоронен прах Теда – естественно, на семейном участке Джоан; Роджер не противился этому решению. Надгробие еще не установили, и нас встретила только полоска голой земли и миниатюрный американский флаг. По дороге мы остановились в торговом центре, и Роджер забежал в магазин спортивных товаров. Когда мы отыскали могилу, Роджер достал из кармана пиджака бейсбольный мяч и положил его в изголовье могилы. «Для Теда этого будет достаточно», – сказал тогда Роджер. «Но не для меня, – ответила я. – Мне нужна официальная церемония», – хотя я не была по-настоящему откровенна. Церемония нужна была ему – а если нужна ему, то нужна и мне. Мы грызлись по этому поводу неделю, и, в конце концов, Роджер сдался. Я обратилась к священнику Нидерландской реформатской церкви на Фаундерс-стрит. Моя голова была занята предстоящим разговором, так что на Дом Бельведера я даже не взглянула. Служба Теда была назначена на субботу.

Не горюю желанием вспоминать этот день. Служба – не самое худшее, что произошло с нами после смерти Теда – и вообще после всего, – но она была самым болезненным опытом. Я сидела и наблюдала, как он пытается закончить свою прощальную речь, стоя перед всеми за трибуной проповедника в новом черном костюме, который мы купили за два дня до этого. Еще тогда, когда он начал рассказывать о том, как в детстве Тед не любил читать, но Роджер заставлял его, настаивал, потому что знал, как это важно, я видела, что он едва сдерживался, чтобы не заплакать, и все, что я тогда думала, это: «Не надо, дорогой, остановись. Все хорошо. Вернись на место, и все закончится, и я больше никогда так с тобой не поступлю, обещаю». А потом он принялся читать это стихотворение Хаусмана… Когда служба закончилась, я как можно быстрее постаралась отвезти его домой. Но проще сказать, чем сделать. Вопреки всему, Роджер упорно не желал покидать церковь и хотел лично поблагодарить всех присутствующих. Он не мог не выполнить свой долг. Все это время я стояла рядом, наблюдая, как меняются выражения лиц людей, когда они осознавали, что прежде, чем смогут уйти, им придется что-то сказать Роджеру. Кто-то успел ускользнуть, пока Роджер разговаривал с Бенедиктом, который в попытках успокоить Роджера потратил добрых десять минут на толкование «Четырех квартетов» Элиота. Наконец, мне удалось вывести его из церкви к машине. За руль села я. Когда мы пристегивались, Роджер заметил: «Кажется, служба тронула всех пришедших, – он наклонился и поцеловал меня в щеку. – Спасибо, любимая». Клянусь, эти слова были подобны концовке ужасного анекдота. Мы выехали со стоянки и направились домой. Когда мы проезжали мимо Дома Бельведера, Роджер повернул голову и окинул его взглядом. Я почти ждала, что он что-нибудь скажет, приведет какую-нибудь цитату, но он молчал.

В ту ночь Роджер ушел спать довольно рано – поминальная служба его утомила, – а я осталась смотреть телевизор. Если прошедший день высосал из Роджера все силы, то для меня он закончился взвинченным состоянием. Я была вся на нервах. На канале «Сай-Фай» объявили марафон «Сумеречной зоны» и час за часом крутили черно-белые безумства, обрамленные лаконичными закадровыми монологами Рода Серлинга. С него я переключалась на кулинарный канал, на котором череда поваров с претензией на эксцентричность представляли зрителям блюда кухонь мира, уделяя каждому по полчаса. То и дело я вставала, чтобы сходить в уборную или пошариться в холодильнике. Я была не так уж и голодна. Просто смотрела на еду.

Оперевшись на открытую дверцу холодильника, я пыталась решить, а так ли хочу открыть банку с соусом для овощей и пакет морковки, как вдруг услышала слова: «Пусть душа твоя не знает покоя даже после смерти». И в ту же секунду почувствовала, что кто-то стоит у меня за спиной. Я не помню, чтобы слышала шаги. Я была поглощена воспоминаниями. Но

знала, что кто-то находится со мной в пространстве, так же, как... Когда ты сидишь в своем кабинете и вдруг чувствуешь, что за дверью стоит студент. Конечно, моей первой мыслью было «Роджер». Я сказала: «Тоже решил поужинать?» – и когда он не ответил, я выпрямилась и повернула голову.

В кухне было темно. Во всей квартире было темно. На секунду-другую я была ослеплена светом из холодильника и могла разглядеть только огромную белую кляксу поверх огромной черной кляксы. Я моргнула, и кляксы начали расплываться, принимая более четкую форму. И я увидела стоящую позади меня фигуру. Свет, идущий из холодильника, не достигал ее, но кто бы там ни был, он был намного, намного выше Роджера. Сердце дрогнуло, и я вжалась в дверцу. Содержимое начало с грохотом падать. Меня обдало холодом. Волной ледяного холода; холодней, чем из холодильника. Я прикрыла рот рукой. На мгновение – не на секунду, а на ее часть – я увидела эту черную фигуру, но потом в глазах прояснилось, и она исчезла.

Я бросилась в спальню. Я не закрыла дверцу холодильника и не стала останавливаться в гостиной, чтобы выключить телевизор. Нет, я сразу запрыгнула в постель к Роджеру и прижалась к нему всем телом. Так и пролежала до утра. Но ничего ему об этом не рассказала, даже когда утром он пожаловался на то, что я оставила холодильник открытым на всю ночь. Утром, когда солнечный свет сочился из окон, все, что пару часов назад казалось реальным, начинало терять свою вещественность. Темная фигура за моей спиной – это результат недостатка сна и чрезмерного количества серии «Сумеречной зоны», а не... Даже не знаю, чего. Проделки сверхъестественных сил? Духа?

Как бы ни пугала меня эта недолговременная встреча, я выкинула ее из головы. С учетом того, что мне привиделось, когда я потеряла ребенка, мне стоило побеспокоиться о своем психическом здоровье, а вот это уже была действительно ужасающая перспектива. Об этом эпизоде я вспомнила уже позже, когда наша жизнь в Доме Бельведера приняла совсем дурной оборот.

* * *

Через неделю после поминальной службы мне позвонил Стивен. От студентов поступило еще больше жалоб, и Стивен хотел переговорить со мной, чтобы узнать о состоянии Роджера. «Что за жалобы?» – спросила я, и он мне все рассказал. Пока я слушала, как он пытался как можно мягче передать суть претензий – ты же знаешь Стивена, – перед глазами у меня стоял образ Роджера за трибуной проповедника. Когда Стивен осведомился, как чувствует себя Роджер, я ответила:

– Учитывая обстоятельства, он не так уж и плох. Но, думаю, он долго держал все в себе. Скорее всего, ты прав, и большинство студентов просто не хотят учиться, но ведь есть и такие, которые всерьез обеспокоены ситуацией.

– Я понимаю, – произнес Стивен, и по его голосу было очевидно, что от одной мысли о разговоре с Роджером он приходил в ужас. Он добавил:

– После обеда у меня назначена встреча с Роджером, на которой мы обсудим поступившие жалобы, и, я уверен, мы сможем найти решение данной проблемы. Я благодарен за помощь.

Они встретились, но ни к какому компромиссу так и не пришли. Роджер рассказал мне обо всем за ужином. Он был вне себя от злости; за все время со смерти Теда я ни разу не видела его таким разгневанным.

– По всей видимости, некоторые студенты мною недовольны, – начал он.

– Недовольны?

– Они считают, что я пренебрегаю своими обязанностями. Некоторые из них пожаловались заведующему кафедрой.

— Ты серьезно?

Роджер кивнул.

— Он спросил, можем ли мы встретиться сегодня после обеда. Можем ли мы «назначить встречу». Раньше ведь как было: если заведующий кафедрой хочет с тобой поговорить, он приходит к тебе в кабинет и говорит. «Назначить встречу», ну-ну.

— Что тебе сказал Стивен?

— Ничего существенного, — ответил Роджер. — Слушай, ему надо было идти в адвокаты, только они могут так подбирать слова. Есть студенты, которые считают, что я не уделяю им достаточно внимания. Они утверждают, что я постоянно повторяюсь, не имею представления, какой роман мы проходим на занятиях. Что я вовсе не появляюсь на занятиях.

— Что же, — начала я, — чисто теоретически: могут ли их обвинения быть небезосновательными?

— Абсолютно исключено, — отрезал Роджер. — Допускаю, что изредка могу повторить сделанное ранее замечание, чтобы связать сказанное прежде с тем, о чем я только начинаю говорить. Да, случается, что я отвожу значительную часть лекции не на тот роман, которым мы должны заниматься, но все это делается исключительно в интересах того, чтобы выстроить связи между двумя текстами. Что касается пропущенных занятий: если я и отсутствовал пару-тройку раз, то лишь потому, что чересчур увлекся решением проблемы, поднятой в романе, которым мы как раз и занимаемся, и время незаметно пролетело.

— Дорогой, — начала я, — после смерти Теда ты находишься в постоянном напряжении.

— И что бы это должно значить? — спросил Роджер. — Что ты веришь предъявленным обвинениям? Ты была моей студенткой. Тебе ли не знать, как я веду себя в аудитории. Разве я когда-нибудь позволял вести себя безответственно?

— Ты знаешь, как глубоко я тебя уважаю, — сказала я. — Ты знаешь, что ты — лучший преподаватель кафедры. Лучший преподаватель всего университета. С этим никто не спорит. Но ты перенес ужасную потерю, и она не могла не оставить следа. И это нормально.

Роджер не хотел ничего слушать. Хотя он допускал, что обвинения студентов имеют под собой некие основания, он отказывался их признавать. Стивен высказал предложение отправить Роджера в отпуск на несколько недель — до конца семестра, если ему захочется, — от которого Роджер со всем присущим ему презрением отказался. В его представлении вопрос был решен, но, приняв мой повышенный интерес за допрос, он оскорбился. Ужин мы закончили в полном молчании, которое растянулось на весь вечер и следующее утро. Роджер уехал в университет раньше, чем обычно, — таким образом демонстрируя свою позицию в пассивно-агрессивной форме.

Как только он прибыл в университет, все повторилось. Студенты начали косяками валить в кабинет к Стивену. Одна студентка после лекции попыталась поговорить с Роджером о двух сданных работах, результаты которых так и не получила, и он сорвался. Он вскинулся на нее, не стесняясь в выражениях. Но при мне этого не упоминал. Об этом я услышала от Стивена, после того как разъяренная по понятной причине мать студентки позвонила ему и устроила скандал. Он постарался отыскать Роджера — это пыталась сделать и мать студентки, — но Роджера и след простыл. Отчитав студентку, он покинул здание и направился в неизвестном направлении. Не сомневаюсь, он направился в Дом Бельведера.

— Боюсь, у Роджера могут быть проблемы, — закончил Стивен. Я почти видела, как он морщится от необходимости быть прямолинейным.

— Мне нечего тебе ответить, — сказала я. — Я пыталась с ним поговорить, но ничего хорошего из этого не вышло. Я думаю, он понимает, что дело плохо, но не знает, как действовать.

— Как бы то ни было, — ответил Стивен, — мать этой студентки собиралась звонить декану. Возможно, мне удалось убедить ее этого не делать. Если же нет, Роджеру придется объясняться перед ней.

Убедить ее Стивену не удалось. После того, как я положила трубку, телефон зазвонил снова: на этот раз Роджера искала декан. Она была очень недовольна. Она сказала, что ждет профессора Кройдона в своем кабинете назавтра, в восемь тридцать. Я ответила, что передам ему, и она повесила трубку. Вернувшись в тот день домой, Роджер ни словом не обмолвился о событиях дня. Я ждала, пока он сам не сознется, не расскажет свою версию случившегося утром, какой бы разбавленной оправданиями она ни была, но нет. Ни слова. Я продолжила выжидать, но, в конце концов, когда мы укладывались спать, я сдалась и передала ему, что первым делом с утра его ждет встреча с деканом.

- Не могу, – сказал он, – у меня занятия.
- Кажется, она нашла кого-то, кто сможет тебя подменить.
- Неужели? – Роджер покраснел.
- Она сообщила мне об этом лично. Ты ничего не хочешь мне рассказать?
- Нет, – ответил Роджер, и на этом разговор был окончен.

Я была так зла на него. Я ведь была его женой. С кем еще, если не со мной, ему можно было это обсудить? Но нет. С тех самых пор, когда я намекнула на правоту студентов, я стала заклятым врагом. Прекрасно. Раз он был таким упретым, то я решила: пусть поступает, как знает. Пусть с ним поговорит декан.

Разговор состоялся, но не в ее кабинете. Роджер не явился к ней в назначенное время. Он пришел в аудиторию и выставил за дверь назначенного Стивеном заменяющего преподавателя. Вскоре об этом узнала декан. В конце занятия она поджидала его у двери в аудиторию. Не знаю, что сказала ему Фрэнсис, но, можешь не сомневаться, она высказалась все без обиняков. На Роджера это никак не подействовало. И ситуация стала просто отвратительной.

С моей связался ректор, хоть и немногим позже, чем я ожидала. Один из доцентов, мой хороший знакомый, написал мне письмо по электронной почте о встрече Роджера и декана. Я прочитала его, когда еще была в университете, и была убеждена, что, как только я вернусь домой, на автоответчике меня будет ждать сообщение от кого-нибудь из администрации. Но автоответчик был пуст, и я заволновалась. Зная декана, она ни за что не оставила бы фокусы, которые он выкинул перед студенткой, да и перед ней, безнаказанными. Книги и статьи Роджера, может, и исчислялись полками, но у всего есть предел. Как ты уже понял, Роджер умолчал и об этой стычке. А я не рассказала ему о письме. Мы сидели и смотрели *новости*, убивая время перед сном пустой болтовней. Ну, точно два сапога.

Мотивы его поступков становились все более необъяснимыми. Я знала, что им движет гордость: свои навыки преподавания Роджер ставил в один ряд с эрудицией, и в открытую заявить, что он не справляется с работой, было бы осквернением десятилетий успеха. Еще я знала, что им движет страх. Он и так потерял слишком многое, начиная с родителей и продолжая Тедом. Возможность того, что к списку присоединится еще и его карьера, должно быть, вселяла в него ужас. Я могла понять, как синтез чувства собственного достоинства и тревоги заставил его отказаться от предложения Стивена. Я понимала, почему он отверг и мое. Мне это пришлось совсем не по душе, но я понимала, почему. Единственное, чего я не могла понять, так это почему он так ведет себя с деканом. Роджер очень хорошо осознавал свое положение, которое коренилось в знании своего места на кафедре и в кампусе. Что бы он ни думал об администрации и ее представителях, при встрече он делал все возможное, чтобы поддерживать с ними хорошие отношения. Поэтому-то его решение пропустить встречу с деканом – особенно с такой самоуверенной женщиной, как Фрэнсис, – шло вразрез со всем, что он делал раньше. И это была намеренная пощечина. Приглашение к катастрофе.

Когда я вспоминаю все это, мне кажется, что так он все и задумывал. Вот он, фатализм Роджера в действии. Он знал, что дело плохо. Сколько всего он знал, насколько все было, по его мнению, плохо, – это было не важно. А важно было то, что он, осознав неотвратимость происходящего, пришел к выводу, что ничего не может с этим поделать. Он стремительно летел в

пропасть. Все, с чем он боролся всю свою сознательную жизнь, все мировое зло, в конце концов, его настигло. Он не мог выйти из этой борьбы победителем. Единственным выходом для него было остановиться и наблюдать, как все продвигается к развязке. Он не был глуп, и в своих действиях видел яркий пример самореализующегося пророчества, но в то же время ситуация еще раз доказывала: все, что приносило неудобство, Роджер предпочитал игнорировать.

Не стоит и говорить, что вдобавок ко всему он казнил себя за Теда.

Удивительно, как в такой ситуации, ректору удалось уговорить Роджера взять отпуск, прежде чем он достигнет точки невозврата. Она не стала торопиться и позвонила после выходных. В понедельник в конце рабочего дня она лично позвонила ему и пригласила присоединиться к ней за обедом. Он согласился. Должно быть, этот звонок он расценил как долгожданный конец. Финита ля комедия, последние шаги по эшафоту. Его гордость тешило то, что его лично уволила ректор колледжа, а то, что случится это за обедом, усмирило бы тревогу.

Не знаю, что там на своем десятом этаже сказала ему Карли. Роджер со мной не поделился. В тот день он встретил меня, как только я открыла дверь. В вазе на кухонном столе стоял огромный букет цветов. Он обнял меня, поцеловал так, как не целовал уже несколько недель, и сказал:

– Сегодня у меня был разговор с ректором.

Я тут же напряглась, соображая, как увольнение скажется на его пенсии, и не придется ли нам жить на одну мою скромную зарплату. Он ощущал, что я насторожилась, и сказал:

– Все хорошо, все в порядке. Я взял отпуск за свой счет, с сегодняшнего дня.

– Взял отпуск?

– Да.

– Что случилось? – Я не могла поверить, что все это – не очередная странная шутка, ловушка или очередная проверка на верность.

– Скажем так: я осознал свои ошибки.

– Ты серьезно?

– Серьезно. А теперь, – сказал он, – в честь принятого мною решения и сопутствующей ему новообретенной свободы я приглашаю тебя на ужин.

В моей сумке лежало тридцать эссе, не говоря уже о четырех главах «Дома о семи фронтонах», которые я задала читать студентам и на которые мне по-хорошему надо было взглянуть самой. Я бросила сумку у двери, и мы наконец попали в ресторан «Канал-Хауз». Славный был вечер. Не знаю, бывал ли ты там. Ресторан находится на Майн-стрит в Купер-Фолз. Ужин в нем влетит тебе в копеечку, или даже две. Но оно того стоит. Мы с Роджером заказали семь блюд, и они были восхитительными. Подавались они в старом доме. Мы сидели в одной из верхних комнат, за столиком у окна. Камин тихонько потрескивал. Из других комнат доносились голоса людей, звон столовых приборов, скрежет стульев. Роджер… Роджер вдруг снова стал самим собой. Словно последние два месяца он тащил на себе огромный груз – мешок с валунами, – но теперь, наконец, опустил его на землю. Он шутил с официанткой, с разносчиком, который приносил нам блюда, и с сомелье. Мы разговаривали как в старые добрые времена, обменивались идеями, спорили – спокойно спорили – о книгах, которые читали для занятий и для себя. Я совсем расслабилась и только тогда осознала, как была напряжена в последнее время. Роджер оставил щедрые чаевые, и после ужина, точнее, его завершения – такой ужин просто так не кончается, его надо довести до чудесного завершения, – мы прогулялись по Майн-стрит до водопада. Стоя и наблюдая за пенящейся водой, белой в лунном свете, я не могла поверить, что худшее осталось позади, что мы подошли к самому краю пропасти и в последнюю секунду сделали шаг назад. И ночью… Скажу так: той ночью все тоже закончилось хорошо.

* * *

Последующие недели были похожи на медовый месяц, которого у нас никогда не было. Мы ужинали в ресторанах, уезжали из дома, даже как-то махнули на остров Мартас-Виньярд на несколько дней. Я словно находилась в трансе. Эссе своих студентов я читала сквозь розовые очки, и многие благодаря этому подтянули успеваемость. Я никогда не ставила столько «отлично», сколько в том семестре. Роджер возвращался к жизни. Он все еще был опечален смертью Теда, но печаль его присмирела, затихла. Однажды вечером мы даже поговорили о том, что, может, нам стоит попробовать завести еще одного ребенка. На тот момент мы оба были не готовы, но, по крайней мере, могли обсудить эту тему. Тот месяц... Как будто нашу жизнь поставили на паузу, понимаешь? Но даже тогда меня не покидало чувство, что это лишь антракт. «С этого момента я прекращаю быть твоим отцом; ты больше не мой сын». Проклятие всегда оставалось поблизости, как бы я ни стремилась отдалиться от него. Как и образы лиц, шипящие в дверных проемах. Казалось, мы начали привыкать к повседневной, рутинной жизни. Когда я вспоминаю то время, те четыре недели, я задаюсь вопросом, могла ли я что-то тогда сделать иначе. Может, стоило предложить уехать на время, попутешествовать по стране полгода или год. Или улететь в Европу. У Роджера было много знакомых в Лондоне. Мы могли бы снять квартиру, и он бы показал мне диккенсовские места. Или я бы поискала, где останавливался Готорн во время своей поездки в Англию. Куда-нибудь... Что-нибудь, что уело бы нас... Что уело бы его подальше от Гугенота, от этого Дома.

И когда я задаюсь этим вопросом, я уже знаю ответ. Нет, я ничего бы не смогла изменить. Роджеру, то есть нам, посчастливилось получить передышку, но она была временной. И я еще называю его фаталистом. Какая ирония. Не знаю... После свершившегося сложно поверить, что все могло обернуться иначе. Роджер был Роджером. Как будто... Я как-то записалась на курс древнеанглийского на один семестр, чтобы набрать достаточно кредитов для получения степени магистра. И писала итоговую письменную работу по «Беовульфу», потому что, будем откровенны, у англосаксов больше и писать-то не о чем. Так вот, меня очень увлекло слово *weird*. Происходит оно от англосаксонского *wyrd*, которое в большинстве случаев переводят как «судьба», что не совсем точно. Я провела свое исследование, прошерстила старые словари, покрытые слоями пыли, и обнаружила, что *wyrd* на самом деле означает «порядок вещей таков, каков он есть». Поначалу сложно переварить. Если бы все шло не так, как должно было бы, то все было бы по-другому. Но поскольку все так, как есть, значит, так и должно быть. Знаю, порочный круг. Но мне показалось, что в этом что-то есть: в том, что, когда оглядываешься на прожитую жизнь, произошедшие события кажутся на удивление неотвратимыми, как будто следуют самой Судьбе. Я помню, что Аристотель говорил: «Судьба человека есть его характер», – но разве это не одно и то же? Разве можно отделиться от своей сущности?

В тот месяц Роджер стал высыпаться. Впервые за все время со смерти Теда. Даже когда полуночничал, все равно казался спокойным. Он устраивался рядом со мной в постели и читал. Он забыл оочных прогулках: вместо этого начал бегать. Врачи рекомендовали регулярные занятия спортом, и Роджер решил, что пришло время последовать их совету. Каждое утро в пять он отправлялся на пробежку от квартиры до университетского городка. К тому времени, как он возвращался, я, выкарабкавшись из постели, заканчивала варить кофе, и мы садились на кухне и вместе завтракали.

Иногда Роджер менял маршрут. После моста через Сварткил он поворачивал на Вотерстрит и взбирался на крутой холм. Или сворачивал направо, на Фаундерс-стрит, делал крюк до 32-го шоссе и по нему возвращался в город. Сперва ему хотелось разнообразия, чередующихся пейзажей. У него были и другие маршруты. За завтраком я спрашивала, где он бегал, и он делился пройденным путем: как пробегал мимо открытых для проветривания помеще-

ний дверей недавно опустевшего после ночных гулянок паба «Уголок Пита»; мимо автобусной остановки со столпившимися ранними пассажирами, ожидающими рейса в Нью-Йорк; мимо спальных кварталов, раскинувшихся вокруг университетских зданий, попутно кивая попадающимся навстречу бегунам. А иногда, собравшись с духом, пробегал мимо университета до самой кофейни «Данкин-Донатс».

Единственным минусом пробежек Роджера было то, что они оставляли его наедине со своими мыслями. Вот я больше всего в физических упражнениях люблю то, как превращаюсь в хомячка: отключаюсь от повседневности и начинаю просто крутить колесо. Роджер так не мог. Иногда он за завтраком рассказывал мне об очередной идее для новой статьи. Другой раз заводил разговор о политике. Своего мнения о президенте он так и не изменил. Он был чуть ли не единственным, кого я знала, у кого Буш после одиннадцатого сентября не вызывал никакого снисхождения. Большая часть бесед сводилась к борьбе с терроризмом, особенно в Афганистане. «Правительство совершенно некомпетентно в этом вопросе, – говорил он. – Они считают, что Афганистан – это отличное место для съемок «Рэмбо». Разве до них не доходит, что Западные державы борются за эту страну еще со времен Диккенса? Да-да, первая война между западным миром и афганцами была начата в 1838 году англичанами. Она растянулась на четыре года. Я изучал ее, поскольку планировал написать статью о ее влиянии на романы Диккенса того времени. Англичане опасались, что, окажись Афганистан в сфере влияния России, безопасность близких к нему индийских колоний будет под угрозой, и потому вторглись в страну и на место афганского эмира посадили марионетку. Это не сработало: они понесли большие потери, и, в итоге, им пришлось согласиться на переговоры с тем же самым человеком, чье изгнание было конечной целью их вторжения». Он покачал головой. «И вся последующая история западного вмешательства не внушает оптимизма. Спроси хотя бы Советский Союз. Но, нет, Буш и его приспешнички считают, что раз у нас есть бомбы с лазерным наведением и беспилотные самолеты-разведчики, то все будет по-другому. Не будет. Рано или поздно, все сводится к переговорам. К тому, что люди должны договориться между собой. А учитывая коммуникативные навыки этой шайки, вся затея не сулит нам ничего хорошего».

Я не знала, что ответить. Для меня одиннадцатое сентября было подобно объявлению войны. Что еще нам оставалось делать?

Когда Роджер впервые упомянул, что пробежал по Фаундерс-стрит, мимо Дома Бельведера, я перестала жевать свой рогалик. Мы не возвращались на эту улицу с тех пор, как провели поминальную службу. Я считала, что тогда он впервые за долгие месяцы решил посмотреть на Дом. Я ждала… Да нет, я ничего не ждала. Я была удивлена и немного обеспокоена, как на него может подействовать возвращение на это место, поэтому спросила:

– И как ты себя после этого чувствуешь?

– После чего?

– После того, как увидел дом.

Он замешкался, прокручивая в голове запись утренней пробежки, а затем произнес:

– Прекрасно.

– Ты уверен?

– Да, – ответил он, поворачиваясь ко мне. – Дорогая, Дом Бельведера никогда не перестанет вызывать в моей душе ворох воспоминаний. А как же иначе? Под крышей этого дома я провел большую часть своей жизни. Это, можно сказать, дом моих воспоминаний. Как приятных, так и, боюсь, в большинстве своем, не очень. Но не волнуйся, прошлое меня не пересилит. Я смело могу о нем говорить.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ, потому что об этом-то я как раз и беспокоилась.

Я отметала все мысли об огромном пустом пространстве, о лицах. У меня почти получилось.

* * *

Точно не знаю, когда Роджер перестал менять маршрут пробежек. Должно быть, где-то через неделю-другую после того спокойного месяца. Несколько дней подряд я спрашивала, где он бегал, и он отвечал: «Где обычно». И для меня это означало, что он бежал по Майн-стрит до светофора на Майнхейм и поворачивал направо. Я уверена, он знал, что так я и подумаю. Почему он не хотел делиться тем, что пробегал туда и обратно мимо своего бывшего дома? Когда я, наконец, узнала об этом и спросила его, Роджер заявил, что такая мелочь просто не заслуживала внимания. «То есть ты считаешь, что я не хотела бы знать, что дважды в день, семь дней в неделю, ты пробегаешь мимо дома, в котором ты жил с бывшей женой и покойным сыном? – воскликнула я. – Тем более когда у тебя есть сотня других маршрутов? Ты не находишь свое поведение несколько необычным?»

«Нисколько», – ответил Роджер. Конечно, он лгал, но к тому времени все катилось к чертям, и понять, что за последние месяцы он только и делал, что врал – или вводил в заблуждение, но это не столь важно – слушать, что за всем стоит исключительно научный интерес... Именно такой версии событий я бы и придерживалась, если бы, к примеру, сплошной кошмар, в котором я застрияла, наконец закончился, и я пыталась бы разобраться, когда все пошло наперекосяк. Как пытаюсь сейчас.

Так Роджер и бегал, отбивая тротуар кроссовками, в спортивных штанах и повязке на голове, которая, по моему мнению, совсем не вязалась с его образом бегуна; а справа от него проплыval Дом, в котором его отношения с сыном зародились, расцвели, увяли и безвозвратно погибли. Дом с первым каменным и деревянными вторым и третьим этажами, мансардным чердаком, скоплением окон, двухстворчатой входной дверью, просторной лужайкой с редкими вкраплениями деревьев. Он высился, возбуждая непреодолимый интерес, словно черная дыра, притягивающая все мысли Роджера. В каждом окне, как на экране, проигрывались различные сцены и события, произошедшие за тридцать три проведенных в Доме года. Стоит ли говорить, что все они были о нем и о Теде? Через окно их с Джоан спальни, которое выходило на гору Френчман, он наблюдал, как сам ходит туда-сюда по комнате, распевая викторианские колыбельные карапузу Теду. В кухонном окне, выходившем на южную лужайку, он видел, как объясняет десятилетнему Теду, почему гугеноты покинули Францию. В окнах подвала он вместе с Тедом строил солнечную панель для научного проекта в восьмом классе. В других окнах они играли в старый добрый бейсбол, и после стольких лет он все еще помнил силу, с которой мяч впечатывался в перчатку, приятную боль в мышцах после идущих подряд двух резких бросков и ослепляющий свет утреннего солнца. А затем Дом оставался позади, и Роджер выбегал на 32-е шоссе, направляясь к университету, увлекая за собой шлейф воспоминаний; и чем дальше он убегал, тем быстрее они рассеивались.

Возобновление своих прогулок Роджер объяснял необходимостью увеличения нагрузки. Возвращаясь с пробежки и позавтракав, он принимал душ, брился и садился читать или писать. Он перечитывал «Холодный дом» в энnyй раз. Он сказал, что во время бега ему внезапно пришла идея для новой статьи по главе «Дорожка призрака». Роджер работал до полудня, затем делал перерывы на обед и отправлялся на прогулку. «Мне нужно расслабиться, – объяснял он, – душой и телом». Конечно, мне на ум пришла его привычка выходить наочные прогулки, которой он обзавелся после смерти Теда, но в тот раз все было по-другому. Во-первых, уходил он в дневное время. Во-вторых, неудивительно, что после пяти-шести часов за компьютером Роджеру хотелось размять ноги и сменить обстановку. Днем меня часто не было дома. Я была в Пенроуз: либо вела занятия, либо сидела в библиотеке, собирая информацию для статьи о Готорне, Дикинсон и пуританской вине. «Послеобеденная прогулка будет приятным дополне-

нием к моей утренней пробежке», – как-то сказал он, и для меня эта фраза имела совсем иной смысл, чем тот, что он вложил.

Он гулял везде, где только можно, но количество прогулок, не включавших в себя посещение Дома, можно было пересчитать по пальцам. Теперь он мог без спешки предаваться воспоминаниям, пережитым утром. Он ощущал вес Теда в своих руках, запах талька, скрип половиц под ногами. Он видел перед собой учебник по обществознанию за пятый класс, портрет кардинала Ришелье в нижнем правом углу правой страницы, чувствовал сладкий запах жевательной резинки «Джузи Фрут», которую Тед, громко причмокивая, жевал – верный признак того, что Джоан ему надоела. Он помнил, как стоял рядом с Тедом в забитом барахлом подвале, пока Тед пилил кусок фанеры, видел со скрежетом разлетавшийся от размеренных движений пилы непрерывный поток душистых опилок. И там, рядом с Домом, в непосредственной близости от воспоминаний, Тед переставал казаться далеким и безвозвратно утерянным.

* * *

Но что больше всего меня удивило – это то, сколько времени Роджеру понадобилось, чтобы решиться на переезд в Дом Бельведера. Идея зародилась в его голове уже давно – она появилась впервые, когда он в третий раз пробежал мимо Дома. С каждой новой встречей, и особенно после того, как к ним добавились воспоминания, мысль о переезде казалась все менее нелепой, менее мазохистской и более заманчивой. Он полагал, что Джоан не станет цепляться за дом. Она из тех людей, кто не любит жить прошлым. У Роджера было достаточно средств, чтобы выкупить ее долю, если бы она согласилась. Он потерпел убытки, когда лопнул пузырь доткомов³, но за относительно короткие сроки ему удалось их возместить и даже заработать еще больше. («Вот почему надо выбирать финансового консультанта из республиканцев», – говорил он.) Он не сомневался, что сможет убедить Джоан продать ему дом. С каждым днем потребность, точнее необходимость, завладеть этим местом становилась все сильней. Он позвонил своему адвокату и велел ему связаться с адвокатом Джоан и начать переговоры.

Он застиг меня врасплох. Я была в замешательстве. Однажды в субботу мы лежали в кровати, и Роджер произнес:

– Мне нужно тебе что-то сказать.

– Что? – спросила я, думая, что он предложит заказать пиццу, которую мы давно не ели, потому что у Роджера был высокий холестерин.

Но вместо этого он сказал:

– Мы переезжаем.

Я думала, он шутит, и ответила:

– Хорошо. Мы переезжаем. Куда? Голосую за Гавайи.

– Дом Бельведера.

– Ага. Как будто Джоан продаст тебе свою долю.

– Она уже продала.

– Что? – я села на кровати.

Он не шутил.

– Мой адвокат связался с ее адвокатом по поводу выкупа. Она уступила. Адвокаты договорились о сумме. Три дня назад я отправил ей чек. Вчера доктор Салливан получила уведомление о расторжении договора аренды.

³ Экономический пузырь, сопровождавшийся ростом акций интернет-компаний США, продолжавшийся с 1995 по 2001 год.

Вот и все. Вся суматоха оказалась, как говорится, *fait accompli*⁴. Мне это очень не понравилось. Я спросила:

– Ты считаешь, я захочу переехать?

– Перестань, Вероника, – ответил Роджер. – Ты постоянно жаловалась на то, что нам вдвоем маловато места в квартире. Здесь мало места для одной тебя. А вдвоем тут совсем не протолкнуться.

Квартира была миниатюрной. Когда мы только въехали, меня это не особо заботило. Наоборот, в этом была своя прелесть. Гостиная, кухня, спальня и ванная комната. Как и у Эмили Дикинсон, у меня был свой собственный крошечный уголок. Мне пришлось проявить изобретательность, чтобы как можно практичней заполнить пространство, но если посмотреть из окна гостиной, выходящего на сад, – Том и Джек, домовладельцы, держали на заднем дворе огромный цветочный сад, – то за садом можно было увидеть реку и пашни на другом берегу. У таких живописных местечек есть своя поэзия. Нельзя недооценивать эстетику места. Но после того как со мной поселился Роджер, маленькое пространство квартиры сжалось до размеров горошины. Большую часть вещей ему пришлось отвезти на склад, но даже тогда каждый квадратный метр квартиры был завален книгами, компакт-дисками и видеокассетами, не говоря уже о его одежде, которая имела привычку вытеснять мою на кровать и диван. Если бы у нас был ребенок, мы бы не смогли там жить.

И все-таки кто захочет переезжать в дом, в котором твой муж прожил большую часть своего предыдущего брака? Вот о чем я подумала в первую очередь. Не о Теде, а о Джоан. Роджер хотел привести меня в ее дом. Потому что именно ей Дом обязан своим внутренним убранством. Она выбирала мебель, обои, шторы, цветовую гамму – все. Если бы мы начали там жить, то сотни мелочей будили бы во мне воспоминания о ней и ее чопорности. Знаю, надо было быть уверенней в себе. Понимаешь… С мыслью о том, что у человека, с которым ты живешь, был кто-то до тебя, можно смириться, но ровно до тех пор, пока тебе не начинают ежедневно об этом напоминать. Я сказала:

– Ладно, согласна. Квартира маленькая. Но почему именно Дом Бельведера? Почему мы не можем переехать в другое место?

– Потому что, – ответил Роджер, – за ту сумму, которую я отдал Джоан, мы не смогли бы позволить и половину другого места.

Слишком разумно все это звучало, так что, хоть мы и обсуждали этот вопрос целый день до глубокой ночи, я, в конце концов, согласилась на переезд. Лгать не буду: меня очень даже прельщала перспектива жизни в таком просторном доме. Господи, да там была библиотека. Если Роджер и вправду так хотел переехать, то, рассудила я, он разрешит мне обновить интерьер. Так оно и вышло. Той ночью я сказала «да». Роджер пришел в восторг. Таким счастливым я давно его не видела. Мы занялись любовью, легли спать и на следующее утро начали запаковывать вещи.

В тот день… Я укладывала книги в последнюю картонную коробку, найденную под кроватью. Роджер уехал в магазин спиртных напитков в Оденберге, чтобы достать еще. Я опустила стопку книг в коробку – все по теории, сверху лежали «Силы ужаса» Кристевой. Забавно. Я расправилась, и воздух наполнился ароматом крови. Густым, с металлическим привкусом, настолько сильным, что меня чуть не вывернуло. Закашлявшись, я решила включить вентилятор, и, развернувшись, оказалась в пустом пространстве, шагающей к двери, в треснувшем косяке которой возникло огромное лицо. По обе стороны от него появились такие же дверные проемы с огромными лицами. Лицо открыло рот, и влажный розовый язык, размотавшись вниз по подбородку, шлепнулся на пол. Язык извивался и бился как рыба об лед. Я шагнула назад, окунувшись в стаю слов Роджера, окружавших меня подобно рою порхающих мотыль-

⁴ Свершившимся фактом.

ков: «отрекаюсь», «кровь», «рок», «ничто». Громадный язык извивался на полу. Я сделала еще один шаг назад. «Этого не может быть», – подумала я. Повторила вслух: «Этого не может быть». И в ту же секунду ощутила зловонный вкус крови. Я закричала: «Этого не может быть!»

И снова очутилась в гостиной. Еще несколько мгновений я ощущала витавший вокруг меня запах крови, но потом исчез и он. Я опустилась на пол и не вставала до тех пор, пока Роджер не вошел в дверь, держа в руках стопку сложенных коробок.

– Отсиживаясь? – спросил он.

– У меня перерыв.

Знаю, знаю. Ты думаешь: «Почему ты ничего не сказала?» – но что я должна была сказать? У меня снова начались галлюцинации? Те же, что и тогда, когда у меня был выкидыш? Потому что я была уверена: именно это и произошло. Другое объяснение было бы просто смешным. Если видения не коренились в беспокойных глубинах моей психики, почему они прекратились, как только я им приказала? (Не суть важно, что мне пришлось повторить приказ несколько раз.) Разве не очевидно, что замаячивший на горизонте переезд в тот самый дом, образ которого преследовал меня, спровоцировал повторение инцидента? Наоборот, было бы странно, если бы в тот день мне ничего не привиделось.

Знаю, звучит неубедительно. Тогда мне тоже так казалось. Как знать. Если бы все описанное мною случилось с тобой, ты бы, наверное, уже записался на прием к психотерапевту. Может, большинство бы так и поступило. Но... Потом, когда все заканчивается, когда случившееся снова и снова проигрывается в голове, – в душу начинают закрадываться сомнения. А так ли было плохо, как ты себе вообразила? Не преувеличиваешь ли? К этому быстро привыкаешь. А потом проходит время, и произошедшее кажется все более абсурдным. Ты сбита с толку. Тебе стыдно.

К чему я это говорю: я снова принялась упаковывать книги. И пусть зловоние с привкусом железа продолжало щекотать мне ноздри – я открыла окно.

Доктор Салливан с семьей съехала в течение недели. Внезапное выселение Роджера попытался компенсировать возвращением полной суммы залога. Ему было невдомек, почему они так холодно приняли чек. «Теперь у них есть свой собственный дом», – сказал он.

Теперь он был и у нас. Я помню, как впервые прогулялась по нему. Через... Должно быть, дня через два, как съехала доктор Салливан. Роджер был там уже в день ее отъезда, и весь следующий день, и все это время уговаривал меня присоединиться. У меня была небольшая пачка работ студентов, которые надо было проверить. Я вела парочку летних курсов при университете в Гугеноте, и с работами надо было закончить в довольно сжатые сроки. Я сидела на кухне и читала эссе студентов по «Падению дома Ашеров», а Роджер то приходил, то уходил, забирая с собой очередную коробку с книгами. Я беспокоилась, как бы он не перетрудился. Торопливо покончив с эссе и вписав последнюю оценку в журнал, я встала, потянулась и отправилась в свой новый дом.

Ты, возможно, решишь, что по дороге к нему меня опять накрыло видение о пустом пространстве и проклятиях Роджера. Подумаешь, что я, по меньшей мере, волновалась. Но нет. Думаю, ничего не случилось, потому что в моем сознании не существовало связи между Домом из моих видений и реальным строением из камня и бетона. Когда я поворачивала со Спрингроун на Мэйн-стрит, я вспоминала, как мы с Роджером впервые занялись любовью в этом доме. Мы были вместе уже три дня. В тот день я ждала его после лекции по викторианской литературе. Мы дошли до его кабинета, и я была готова отдать ему прямо там, на столе. Нет, сказал он, не здесь, в другой раз. Вместо этого мы поехали в Дом. Как только за нами закрылась дверь, часть одежды слетела на пол. Роджер повел меня наверх, в спальню, но я бы ни за что не согласилась лечь в кровать Джоан. Вот уж что точно меня не возбуждает. Я потащила его еще выше, в его рабочую комнату с раскладным диваном. Разложить мы его так и не успели. Я была... Готова и очень возбуждена. Похоже на тот момент, когда впервые

познаешь близость, экспериментируешь, – и это опьяняет. Он… Мы идеально подходили друг другу, ни с кем другим у меня такого не было. Удовольствие волнами прокатывалось по телу. Достигнув разрядки, я закинула голову и устремила взгляд в окно, на бледное, голубое, чистое небо. Я в жизни не видела ничего прекрасней.

Подъехав к дому, я припарковалась за машиной Роджера и направилась к входной двери. Роджер ждал меня. Он поклонился, указав рукой в дверной проход, и я вошла внутрь.

Дом был огромным. У меня не было возможности осознать количество комнат, которые он в себя вмешал. Я прошла из прихожей в парадную гостиную, из гостиной в столовую, из столовой на кухню – все это время Роджер крутился вокруг, словно самый надоедливый в мире гид, – и явственно осознавала окружавшее меня пространство. Я почти чувствовала, как оно щекочет мои нервные окончания. Я предвидела, что, как только войду, во всем начну видеть почерк Джоан. Так и было, но я совсем не была готова к тому, какое ощущение будет исходить от самого дома. До этого я никогда так явственно не осознавала архитектуру и устройство помещения, окружавшего меня сверху, снизу и с обеих сторон. Это был не первый визит в Дом Бельведера, но тогда я впервые была… Впервые его так остро ощущала. Верхнее небо начало покалывать. Я постоянно облизывала губы, как будто пытаясь распробовать дом на вкус. Ничего из этого я не стала упоминать при Роджере. Да и что бы я сказала? «Вот ведь странный дом!» Списав все на то, что ко мне только начинает приходить понимание, что дом теперь наш, он, несомненно, привел бы какую-нибудь цитату из Фрейда – и кто бы мог с ним спорить?

Присутствие Дома продолжало давить на кожу. Напор стихал в последующие дни, пока мы перевозили оставшиеся вещи из старой квартиры, оставив только кровать и пару комплектов одежды. Львиную долю работы взял на себя Роджер, и, пока я вела занятия, он мотался между домом и квартирой. Когда я заканчивала работать, то присоединялась к нему на два-три часа. В квартире было намного больше вещей, чем мне казалось. Мы не стали сразу их распаковывать. Нам предстояло перекрасить весь дом – Роджер нанял в помощь парочку аспирантов, – а потом надо было заказать новые ковры и мебель. Как волнительно было стоять в парадной гостиной и говорить, что нужно выбросить небольшой потертый восточный ковер, лежащий на середине комнаты, и положить новый, голубой, на всю комнату. И картины: какие они скучные и устаревшие. Что, если вместо них мы повесим зеркала? Мебель слишком темная, слишком много темного дерева – как насчет чего-нибудь посветлее? Джоан предпочитала довольно консервативный и осторожный стиль, который выглядел как самопародия. Мне же хотелось разбудить дом, сделать его светлей, приветливей, современней. Роджер следовал за мной из комнаты в комнату, записывая в блокнот замечания, которые через несколько недель претворились в реальность. Несколько раз мы уезжали на целый день в «Икею», чуть больше поездок потребовалось в «Хоум Депот»⁵, а что-то пришлось заказать в Интернете. Ремонт дома таких размеров – его переустройство – был намного сложней, чем я ожидала. Я развесила кучу зеркал, как будто комнаты были недостаточно просторными, и стремилась к простоте.

Именно тогда изменение своего финансового положения – в связи с браком с Роджером – я ощутила в полную силу. Я не считала себя бедной. А должна была. Всю одежду я покупала в секонд-хэндах, а денег едва хватало, чтобы оплатить счета и купить еды. Ужин в ресторане был роскошью, которую я приберегала для особых случаев. Ну и что? Я была студенткой. У студентов по определению нет денег. После того, как мы с Роджером сошлись, я не заметила резких перемен. Мы, конечно, делили счета, что было довольно приятно, и могли позволить себе все более роскошные рестораны; или могли сходить в кино, когда хотели – тоже приятно, – но, учитывая все обстоятельства, жили мы относительно скромно. Будь у нас ребенок, все бы поменялось. Нам бы, само собой, пришлось найти новое жилье, не говоря уже о том, что пона-

⁵ Американский магазин инструментов и стройматериалов.

добилась бы тонна новых вещей. Но тогда я могла сказать: «Сюда нужен столовый гарнитур», или «А вот туда – диванчик и мягкое кресло» – и Роджер отвечал: «Да, конечно» – после чего упомянутые вещи материализовывались. И это было очень волнительно. Я не считала нас богатыми, но понимала, что имею намного больше денег, чем представляла.

Казалось, долгое время дом пребывал в переходном состоянии: комнаты были переполнены неразобранными коробками, купленная мебель загромождала коридоры, тряпки и банки с краской кочевали из одной комнаты в другую, с этажа на этаж. На ночь мы возвращались в квартиру и спали на кровати, которую взяли с собой в дом, когда в последний раз закрыли за собой квартирную дверь. Можно было бы купить и новую – возможно, так и стоило бы сделать, раз уж мы начинали жизнь с чистого листа, – но слишком много воспоминаний было связано с ней. Я купила ее, когда только переехала в квартиру. Двухспальная, едва помещавшаяся в комнату, но она была символом моей свободы, понимаешь? Мы с Роджером спали в ней, когда он ночевал у меня. На ней мы зачали ребенка. И когда взяли ее с собой – это тоже был своего рода символ. Я думала, что этим мы покажем, что наша совместная жизнь продолжается на новом месте. Как будто пересаживаешь любимый куст роз.

А затем, почти в одночасье, дом завершил свою метаморфозу. Шкафы и серванты еще пустовали, мягкое кресло и телевизор с большим экраном еще не доставили, но дом пересек точку невозврата. Он уже не выглядел так, словно по нему пронеслась шайка буйных детей, уничтожая свитое Джоан гнездышко. Дом стал чем-то большим. Все принятые мною решения обрели единую форму, и из монумента состоятельности старой аристократии, напоминавшего о былых временах – конечно же, самым что ни на есть незаметным образом, – Дом Бельведера превратился в уютное место, в котором можно было расслабиться. Между фасадом и внутренним интерьером все еще существовал разительный контраст, приводивший в изумление всякого, кто навещал нас, и я не знала, как его смягчить – и стоит ли, – но особо по этому поводу не переживала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.